

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
ЗАПАДНОСИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ**

**СЕКТОР АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИНФОРМАТИКИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН**

ООО «АЛТЫН-СУС» – ЭКОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕРЕВНЯ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

**Ответственный редактор серии
академик РАЕН В.Е. Ларичев**

**Красноярск
2009**

**RUSSIAN ACADEMY OF NATURAL SCIENCES
WEST SIBERIAN DIVISION**

**KHAKASS SCIENTIFIC RESEARCH INSTITUTE OF
LANGUAGE, LITERATURE AND HISTORY**

**DEPARTMENT ARCHAEOLOGICAL THEORY AND INFORMATICS OF
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY SD RAS**

ООО «ALTYN-SUS» – ECOLOGO-ETHNOGRAPHICAL VILLAGE

**ASTROARCHAEOLOGY – THE NATURAL SCIENCES
INSTRUMENT OF COGNIZING PROTOSCIENCES
AND ASTRAL RELIGIONS OF PRIESTHOOD
OF ANCIENT CULTURES OF KHAKASIA**

**Editor-in Chief
academician of RANS V.Ye. Larichev**

**Krasnoyarsk
2009**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК
ЗАПАДНОСИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ**

**ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ**

**СЕКТОР АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ИНФОРМАТИКИ
ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ СО РАН**

ООО «АЛТЫН-СУС» – ЭКОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ДЕРЕВНЯ

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ – ЕСТЕСТВЕННО- НАУЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОЗНАНИЯ ПРОТОНАУК И АСТРАЛЬНЫХ РЕЛИГИЙ ЖРЕЧЕСТВА ДРЕВНИХ КУЛЬТУР ХАКАСИИ

**Ответственный редактор
академик РАЕН В.Е. Ларичев**

**Красноярск
2009**

Утверждено к печати Издательским советом Российской академии естественных наук (Западно-Сибирское отделение) и Ученым советом Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Финансовое обеспечение работы симпозиума и публикации его материалов –
Фонд просвещения «Мета».
Особая благодарность Николаю Александровичу Цветкову

Рецензенты:
академик РАН, доктор исторических наук А.И. Мартынов,
доктор исторических наук В.Д. Кубарев

Работа осуществлена в рамках программы фундаментальных исследований
Президиума Российской академии наук «Этнокультурные взаимодействия в Евразии»

Астроархеология – естественно-научный инструмент познания протонаук и астральных религий жречества древних культур Хакасии. Сборник научных статей. – Красноярск: Издательство «Город», 2009. – 200 с.

ISBN 978-5-904314-04-0

В сборнике представлены материалы первого в Сибири Всероссийского полевого симпозиума «Астроархеология – естественно-научный инструмент познания древних культур Хакасии» (Абакан, август, 2008 г.). Основную часть издания составляют статьи, посвященные интерпретациям и семантическим реконструкциям образов, символов и знаков древнего искусства, в которых нашли отражение календарно-астрономические знания и мифологические представления о мире интеллектуально-духовных элит древних культур Сибири и Приуралья. В особый раздел включены статьи, сюжеты которых связаны с полевой астроархеологией (выявление приемов наблюдения древними астрономами восходов и заходов светил).

Авторы тех и других статей предлагают оригинальные (альтернативные традиционным) методические приемы изучения археологических источников (отыскания в них информации календарно-астрономического толка), что призвано усилить доказательность выводов исследований, проведенных с позиций гуманитарных наук.

Astroarchaeology – the natural sciences instrument of cognizing protosciences and astral religions of priesthood of ancient cultures of Khakasia. Collected scientific articles. – Krasnoyarsk: house “Gorod”, 2009. – 200 pp.

ISBN 978-5-904314-04-0

ББК 63.4 (2), 63.4 (3)

In the collection of scientific articles the materials of the first in Siberia All-Russian field symposium “Astroarchaeology – the natural sciences instrument of cognizing ancient cultures of Khakasia” (carried on in Abakan in August of 2008) are represented. The great bulk of the edition is formed by the articles devoted to interpretations and semantic reconstructions of images, symbols and marks of ancient art, those in which the calendar-astronomical knowledge and mythological ideas about the world of intellectual and spiritual elite of ancient cultures of Siberia and the Cis-Ural Area have found reflection. The articles with their plot connected with field astroarchaeology (revealing of methods used by ancient astronomers for observation of rising and setting heavenly bodies) are included in special part of this book.

The authors of both kinds of articles propose their original (alternative to the traditional ones) methodical ways of the study of archaeological sources (finding in them information of the calendar-astronomical sense). Search for such kind of information promotes strengthening of the scientific proofs in support of conclusions of analyses carried out from the humanities positions.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА. Астроархеология: «Сквозь тернии – к звездам!». Начало становления «непопулярной научной традиции» (В.Е. Ларичев)	7
---	---

ЧАСТЬ 1. ПОЛЕВАЯ АСТРОАРХЕОЛОГИЯ

Т.М. Потемкина. Мегалитические памятники Южного Зауралья (к вопросу об особенностях их функционирования)	36
Л.С. Марсадолов. Палеоастрономические, метрологические и религиозные аспекты больших курганов и святилищ Южной Сибири в I тыс. до н.э.	59
В.Е. Ларичев, Е.Г. Гиенко, С.А. Паршиков, С.А. Прокопьева, Г.Ф. Серкин. «Сундуки» – великий сакральный центр Северной Хакасии (мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних культур юга Сибири, совмещенных с творениями природы)	73
А.П. Забияко. Святилище: сущность и исторические формы	92
В.Н. Тугужекова. Священные места Хакасии	100

ЧАСТЬ 2. АСТРОАРХЕОЛОГИЯ И ДРЕВНЕЕ ИСКУССТВО

В.Е. Ларичев. Реконструкция систем счисления времени на раннем этапе верхнего палеолита Сибири и проблема происхождения искусства (по материалам знаковой значимости поселения Малая Сыя; Северная Хакасия)	106
Ю.П. Холюшкин. Поселение Малая Сыя – ранний этап верхнего палеолита Сибири (к проблеме начала становления культур Homo sapiens в Северной Азии)	137
Е.П. Маточкин. Сакральные образы и объекты святилища «Зеленое озеро»	146
Е.А. Окладникова. Лось и модель Вселенной неолитического населения Алтая	154
А.Л. Заика, Г.Д. Коваленко. Космическая символика петроглифов на озере Шира	159
С.А. Паршиков, С.А. Прокопьева, С.В. Карлов. Средневековый бронзовый диск из Саяногорска (знаковая система объекта искусства и расшифровка связанного с ним сакрального «текста»)	166
И.В. Асеев. Некоторые вопросы этногенеза прибайкальских племен	174
Д.А. Севостьянов. Проблемы сохранения писаниц: методы регистраций индивидуальных особенностей петроглифов в рамках трассологического подхода (по материалам наскальных изображений района «Сундуков»)	179
Н.Д. Оводов. Древние звери Хакасии	189

CONTENTS

FROM THE EDITOR. Astroarchaeology: «Through the thorns – to the stars!». The beginning of formation of «the unpopular scientific tradition» (V.Ye. Larichev) 7

PART 1. FIELD ASTROARCHAEOLOGY

T.M. Potiomkina. Megalithic relics of the past of the Southern Trans-Ural Area (to the point of their functioning and peculiarities) 36

L.S. Marsadolov. Paleoastronomical, metrological and religious aspects of Large burial mounds and sanctuaries of Southern Siberia in the 1st millennium B.C. 59

V.Ye. Larichev, Ye.G. Gienko, S.A. Parshikov, S.A. Prokopyeva, G.F. Serkin. «Sunduki» – the great sacral centre of Northern Khakasia (something mythological, epic and natural-scientific in religious relics of ancient cultures of Southern Siberia, those combined with creatures of the Nature) 73

A.P. Zabiako. Sanctuary: its essence and historical forms 92

V.N. Tugujekova. The Sacral Sites of Khakasia 100

PART 2. ASTROARCHAEOLOGY AND ANCIENT ART

V.Ye. Larichev. Reconstruction of systems of time notation at the early stage of the Upper Paleolith of Siberia and the problem of art origin (according to the materials of symbolic significance revealed at the Malaya Syya Settlement; Northern Khakasia) 106

Yu.P. Kholuyshkin. The Malaya Syya Settlement – the early stage of the Upper Paleolith of Siberia (to the problem of the beginning of formation the cultures of Homo sapiens in North Asia) 137

Ye.P. Matochkin. Sacral images and objects of the «Green Lake» Sanctuary 146

Ye.A. Okladnikova. The Elk and Bear of the Universe of the neolithic population of the Altai 154

A.L. Zaika, G.D. Kovalenko. Cosmic symbolism of petroglyphs at the Shira Lake 159

S.A. Parshikov, S.A. Prokopyeva, S.V. Karlov. The medieval bronze disk from Sayanogorsk (symbolic system of the art object and deciphering of the sacral «text» connected with it) 166

I.V. Aseyev. Some points of ethnogenesis of the Cis-Baikal Area tribes 174

D.A. Sevostyanov. The problems of preservation of rock-drawings: methods of registration of individual peculiarities of petroglyphs within the limits of trassological method of approach (according to the materials discovered in the region of «Sunduki») 179

N.D. Ovodov. Ancient wild animals of Khakasia 189

АСТРОАРХЕОЛОГИЯ: «СКВОЗЬ ТЕРНИИ – К ЗВЕЗДАМ!» НАЧАЛО СТАНОВЛЕНИЯ «НЕПОПУЛЯРНОЙ НАУЧНОЙ ТРАДИЦИИ»

*Только со смертью догмы начинается наука.
Галилео Галилей*

По случаю 400-летия телескопической астрономии Генеральная ассамблея ООН и ЮНЕСКО объявили 2009 год «Всемирным годом астрономии», «осенив» его девизом «Вселенная – для вас!». Этот год «осенило» и еще одно давно ожидаемое научным сообществом событие – смиренное покаяние Ватикана перед Галилео Галилеем, кто 400 лет назад впервые в истории человечества направил сконструированный им телескоп в небо, приблизив его со всем загадочно сияющим в нем к своим глазам и уму. Увиденные на Луне горы, ущелья, долины и «моря», а около Юпитера – спутники этой божественной красоты планеты, произвели в умах землян фундаментальный мировоззренческий переворот, а у служителей «Святого престола» и самого Папы вызвали такого накала негодование, что оно чуть не стоило жизни великому физика, механику и философу эпохи Возрождения. Он был публично унижен – поставлен на колени в «резиденции абсолютных истин» в назидание строптивцам «светской науки». К чему, в конечном счете, привели еретическая дерзость и упрямство Галилео Галилея в отстаивании своих взглядов на Вселенную, можно судить по программам изучения космоса современных астрономов, механиков-инженеров и конструкторов ракет для межпланетных полетов.

Предшествующий 2008 год, канун этого знакового для развития естественных наук события, стал, полагаю, пороговым для сибирской археологии: преодолевая «тернии» ученых, чиновных и финансовых препон, деятели науки, культуры и образования Республики Хакасия приняли исследователей первобытности, ориентированных на изучение самого сложного контекста ее – интеллектуально-духовной сферы бытия предков. При содействии Хакасского научно-исследовательского Института языка, литературы и истории (директор – доктор исторических наук Валентина Николаевна Тугужекова), общества «Алтын-Сус» (эколого-этнографическая деревня; директор – Татьяна Васильевна Кобежикова), а также при щедрой финансовой поддержке Фонда просвещения «МЕТА» и самом благожелательном содействии Николая Александровича Цветкова в Абакане были проведены заседания Всероссийского симпозиума «Астроархеология – естественно-научный инструмент познания древних культур Хакасии», а вслед за тем осуществлен продолжительный «Полевой семинар». Он был всецело посвящен практическому ознакомлению специалистов по культурам времени первобытности с астроархеологическими, сакрального предназначения объектами и методиками выявления астрономических аспектов погребальных и культово-религиозного характера памятников эпох каменного века и палеометалла республики. Особую информационную значимость и своеобразную привлекательность семинару придало участие в работе его астрономов и геодезис-

тов Сибирской государственной геодезической академии, которые с профессиональной точностью и одновременно доходчиво разъясняли археологам возможные варианты подходов к решению сложных проблем. Пояснения давали сотрудники кафедр астрономии, космической геодезии и высшей математики одной из старейших в стране академий.

А разъяснять было что, учитывая терзания «терниями» скепсиса, которые вот уже более 150 лет препятствуют спокойному развитию астроархеологии как специализированной (междисциплинарной) науки о древностях, объединяющей усилия гуманитариев, нетрадиционной ориентации мышления археологов, с одной стороны, и естественников, астрономов, геодезистов, математиков и геометров, с другой. Казалось бы, благодатному содружеству тех и других ничто не должно мешать при осведомленности представителей любой из отраслей знаний в том, что *самые парадоксальные открытия ожидаются прежде всего в пограничных зонах наук*. А если так, то почему бы для достижения желанного в археологии не выбрать в качестве ее «приграничного» соседа астрономию, науку, которая как никакая иная может содействовать разъяснению проблем, слабо разработанных авторитетами – знатоками архаических культур. Речь идет о выявлении глубинных истоков начала становления религиозных и протонаучных представлений человека далекого прошлого.

Так нет же! Наперекор здравому смыслу все происходит как раз наоборот, отчего порой возникают постыдные ученые коллизии и порожденные ими пугающие мысли об угрозах возврата в смутную современность нравов времени Средневековья, когда служки «Святого престола» поучали Галилео Галилея, как надобно заниматься наукой, и наставляли – каких ученых постулатов он должен придерживаться.

У кого-то, быть может, возникнет подозрение, что я преднамеренно драматизирую странности межнаучных столкновений в академиях и преувеличиваю их безысходность.

Но ничуть не бывало! В этой связи напомним (пользуясь подходящим случаем) о жестком демарше одного из высших авторитетов археологии Европы XX в. С. Пиггота. Выступая с высоко эмоционального накала и раздражительности речью по английскому телевидению, он потребовал воздействовать «на смутьянов от науки» мерами решительными: в законодательном (на государственном уровне!) порядке запретить вторгаться в сферы древностей тем, кто не имеет к ним прямого, по долгу службы, отношения (речь шла об археологах, осведомленных в астрономии и потому априори воспринимаемых тоталитарными администраторами от науки дилетантами). С экрана прозвучало по-ватикански категорично: «Только профессионалы имеют право выдвигать новые идеи в археологии!» (см. Michell, 1977, p. 47).

Ученого мэтра крайне возмутили астрономические оценки «культового Стоунхенджа» с помощью, как ему показалось, «невразумительных математических трюков» и «цифрового фокусничества», что способно лишь заморочить головы знатоков прошлого (перу С. Пиггота принадлежит монументальный том, посвященный описанию Стоунхенджа в традиционном ключе – без «трюков», «числовых выкрутас» и «фокусничества»). Он не допускал наличия в многотонных структурах Стоунхенджа «астрономических аспектов», поскольку это грандиозное строение, своего рода северное подобие пирамид, датировалось временем, когда предки дикарствовали в трясилах первобытности и когда в культуре если и был «аспект», то лишь один: как поплотнее набить желудок. Помимо того, С. Пиггота возмутили прямые, без академических деликатностей, упреки астроархеологов о неглубоком проникновении авторитетов в предмет своей науки и о непомерном увлечении их вещеведением – унылым, большой частью бессмысленным описательством «артефактов» да бездумной топографической фиксацией строений, возвышающихся над землей (что дало «еретикам» повод высказать чудовищное в ядовитости сомнение: *да наука ли в действительности археология, если на столь низком уровне, без творческого подхода и подключения воображений ума занимают ее высокого ранга профессионалы?*).

...Разговор всерьез начну с того, что уже первые страницы узаконенной истории астрономии свидетельствуют о весьма важном: у Галилео Галилея были великие предтечи во взглядах на Вселенную в древних культурах Средиземноморья (Египет, Греция, Рим), Ближнего и Среднего Востока (Шумер, Вавилония и Персия), Индии и Средней Азии (протогосударственные объединения кочевых племен индоариев), а также Китая. В этих регионах юга Евразии и севера Африки, где зарождались земледелие и государственность, историки науки отыскивают «родину астрономии». В реальности, однако, дело обстояло совсем иначе: «великие предтечи» Галилео Галилея появились на Земле значительно раньше формирования протогосударств и перехода человека к производящим формам экономики – земледелию и скотоводству (зародилось это, полагают астроархеологи, в эпоху древнекаменного века, и достижения той поры поддерживались далее такими же прозорливыми «предтечами» времени мезолита, неолита и культур палеометалла). Несообразность подобного взгляда усиливается и становится для кого-то совсем уж возмутительной при утверждении, что «предтечи» те появлялись не только в зоне протоцивилизаций юга, а и на далекой периферии их, на севере, в Гиперборее, в горно-таежных и тундровых областях средних и даже приполярных широт Евразии, где, по всеобщему убеждению, изначально прозябали «варвары». Как раз и обосновывают все это «нетерпимо возмутительное» деятели новаторской науки об интеллектуальной и духовной сторонах бытия творцов культур первобытности – астроархеологи (Poutiatin, Flammarion, 1885; Путятин, 1887, с. IX–X; Marshack, 1991. 445 p.; Ларицев, 1993, с. 38 – 69; 1999. 318 с.).

Концепция такая бескомпромиссно (но, как не следовало бы, – вне деловых и уважительных обсуждений, а посредством «коридорных разговоров») отвергается представителями традиционной архе-

ологии, озабоченными в основном изучением материальной составляющей древних культур. Претензии они предъявляют, к примеру, такие:

1) астроархеологи легкомысленно переоценивают интеллект, духовность и жизненные устремления первобытного человека, задавленного сложностями решения «продовольственной проблемы» и обеспечением выживания при слабой технической вооруженности и в условиях примитивного бытия;

2) если все же признать *невероятное очевидным* – реальность высокого уровня познаний палеолитического человека в астрономии и умение его отслеживать время, – то почему свидетельства таких знаний отсутствуют в последникового времени культурах неолита и палеометалла?

Астроархеологи отвечают на претензии примерно так:

1) если древности, будь они самые примитивные, есть порождения культуры, то творцы ее *никак не могли существовать вне осознания понятий времени и пространства*. Следовательно, археологи традиционной направленности исследований совершают грубую ошибку, недооценивая интеллект и духовность предка;

2) знания по астрономии и календаристике не были утрачены людьми при переходе от древнекаменного века к веку новокаменному. Объекты, подтверждающие такое мнение, *в культурах мезолита, неолита, а позже и палеометалла Евразии вовсе не отсутствуют, как утверждается, а просто-напросто не замечаются специалистами* по причине весьма банальной: они целенаправленно не отыскиваются, поскольку идея о календарях в каменном, бронзовом и железном веках *не входит в круг «понятий» авторитетов*.

Так, в упрощенном изложении, выглядят взаимные претензии антиподов в подходах к изучению первобытности – археологов-традиционалистов (вещеведов, классификаторов, типологизаторов) и «авангардистов поневоле» – астроархеологов. Противостояние, начатое с громких скандалов второй половины XIX в., продолжается и теперь, в первое десятилетие XXI века, угрожая стать хроническим и превратиться в ремейк печальной эпопеи Галилео Галилея четырехвековой продолжительности. Неужто в самом деле авторитеты по древностям не попытаются-таки включить однажды в круг своих «понятий» «понятия» астроархеологии, а предпочтут натужно раздумывать грядущие 400 лет, чтобы потом, уподобляясь служкам «Святого престола», фарисейски покаяться в «прискорбных недомыслиях»?

Детальное описание всех обстоятельств полутора-векового хождения астроархеологов по колким «терниям» противостояния с классификационной археологией в ограниченном объеме предисловия невозможно. Поэтому представляю краткое изложение сведений о достижениях тех, кто, десятилетиями преодолевая неприязнь официоза к инаковидению проблемы, с настойчивостью своего предтечи по судьбе Галилео Галилея *упорно закладывал первые блоки фундамента оригинального научного направления*.

Это необходимо сделать, помимо понятного без разъяснений, еще и потому, что *основоположником астроархеологии был видный русский архео-*

лог XIX в. князь Павел Арсеньевич Путятин, а наиболее ярким продолжателем дела его в первой половине XX в. стал представитель российской археологической школы академического статуса, блестящий теоретик эволюции первобытного общества Владислав Иосифович Равдоникас.

Буше де Перт – первооткрыватель культуры древнекаменного века и первых образцов искусства с числовыми знаковыми «записями». Идеи его о давнем внимании древних людей к небу и о причинах возникновения представлений об астральных богах. Согласно опыту, отраженному на страницах истории археологии, оптимальным источником решения проблем содержания интеллектуальной и духовной сторон жизни палеолитического человека следует считать то, что воспринимается специалистами по культурам ледниковой эпохи «первобытным искусством». Однако до недавних пор внезапное зарождение так называемого «художественного творчества» связывалось лишь со временем появления на Земле первых *Homo sapiens*, творцов культур начала поздней поры древнекаменного века (около 40 – 35 000 лет назад от наших дней). Это как раз и стало *первым «научным предрассудком»*, который ставил под сомнение саму возможность открытия среди культурных остатков деятельности ранних *Homo*, архантропов и палеоантропов, информативно емких «объектов искусства». Когда же в последние десятилетия XX в. такие перспективы начали просматриваться со всей очевидностью, то озадаченные первооткрыватели «предметов изобразительного творчества» питекантропов и неандертальцев столкнулись со *вторым предрассудком*, куда более опасным для науки о древностях, чем *первый*, – *недопустимостью идеи отражения посредством образов, знаков и символов древнейшего искусства естественнонаучного разряда знаний первобытного человека об окружающем мире*. Следование такому постулату априори обрекло на неудачу доказательность интерпретаций всего связанного с тем, что стали называть «предметами палеолитического искусства», ибо точность семантических реконструкций их на основании этнографо-мифологических аналогий, как это было принято делать (и усердно делается до сих пор), обречена на скептическое отношение к ней вследствие сомнения в законности сопоставления культур, отстоящих друг от друга на десятки и сотни тысячелетий эволюции человека. Парадоксально, но оптимальные варианты интерпретаций самых ранних «образцов искусства» были в общих чертах намечены *отцом-основателем палеолитоведения* Буше де Пертом в его трехтомной книге «Antiquités Celtiques et Antédiluviennes»*, посвященной первобытной индустрии кельтов и людей допотопного периода, а также их художественному творчеству и проблемам, связанным с происхождением искусств и духовной сферой жизни первобытного человека (рис. 1; см. Boucher de Perthes, 1847; 1857; 1864). Особого внимания заслуживают главы второго тома, изданного в 1857 г., – XXIII глава («Figures et symboles de la période antédiluviennes»**; p. 475–500) и XXII («Figures et

Рис. 1. Буше де Перт

symboles de l'époque celtique»***; p. 461–474), а также дополнительно, из-за высказанных в ней любопытных мыслей, глава XXI *первого тома* («Des idoles, signes, caractères, hiéroglyphes. Aperçus généraux»****; p. 291–303). Это ему, Буше де Перту, после десятилетий ожесточенной борьбы с выразителями «предрассудка» касательно «молодости» людского рода в кругах клерикальных и академических, удалось, в конечном счете, доказать тем и другим «допотопность» *Homo*, названного им «человеком природы» (подробности см. Ларичев, 1989; 2001). Идеи же его в области «допотопного» искусствоведения остаются до сих пор во тьме заброшенности и ученого беспамятства. Они не удостоиваются внимания, возможно, потому, что противоречат современным «предрассудкам» авторитетов от искусствознания первобытности в части оценки ими информационной содержательности предмета изучения – палеолитического «искусства».

Теперь трудно даже вообразить меру недоумения, которое вызывало в середине XIX в. утверждение Буше де Перта о пристрастии «человека Природы» к художественному творчеству. Изложенное Буше де Пертом относится к классической категории явлений эволюционирующей науки, которые позже, при осознании их правильности, объявляются авторитарными критиками (в попытках оправдания прежнего неприятия ими непривычных мыслей) «*преждевременными открытиями*». Вот в этом-то для ретроградов вечно «*преждевременном*» была деталь, которая *доселе остается «преждевременной» (неприемлемой)*: Буше де Перт, будто преднамеренно осложняя свою личную драму человека и ученого, довел ситуацию до порога подлинной трагедии, когда опубликовал несколько таблиц «фигурных камней» и объявил их первыми в истории человечества предметами художественного творчества. В них «возмутитель ученого спокойствия» усмотрел изображения «вымерших животных и птиц» (рис. 2). Более того, он обосновал свое видение проблемы: высказал мысль о *принципиальной возможности «изготовления из камня скульптур так*

* «Древности кельтов и людей допотопного периода».

** «Образы и символы допотопного периода».

*** «Образы и символы кельтской эпохи».

**** «Первобытные идолы, знаки, буквы, иероглифы. Краткие, общего плана, обозрения».

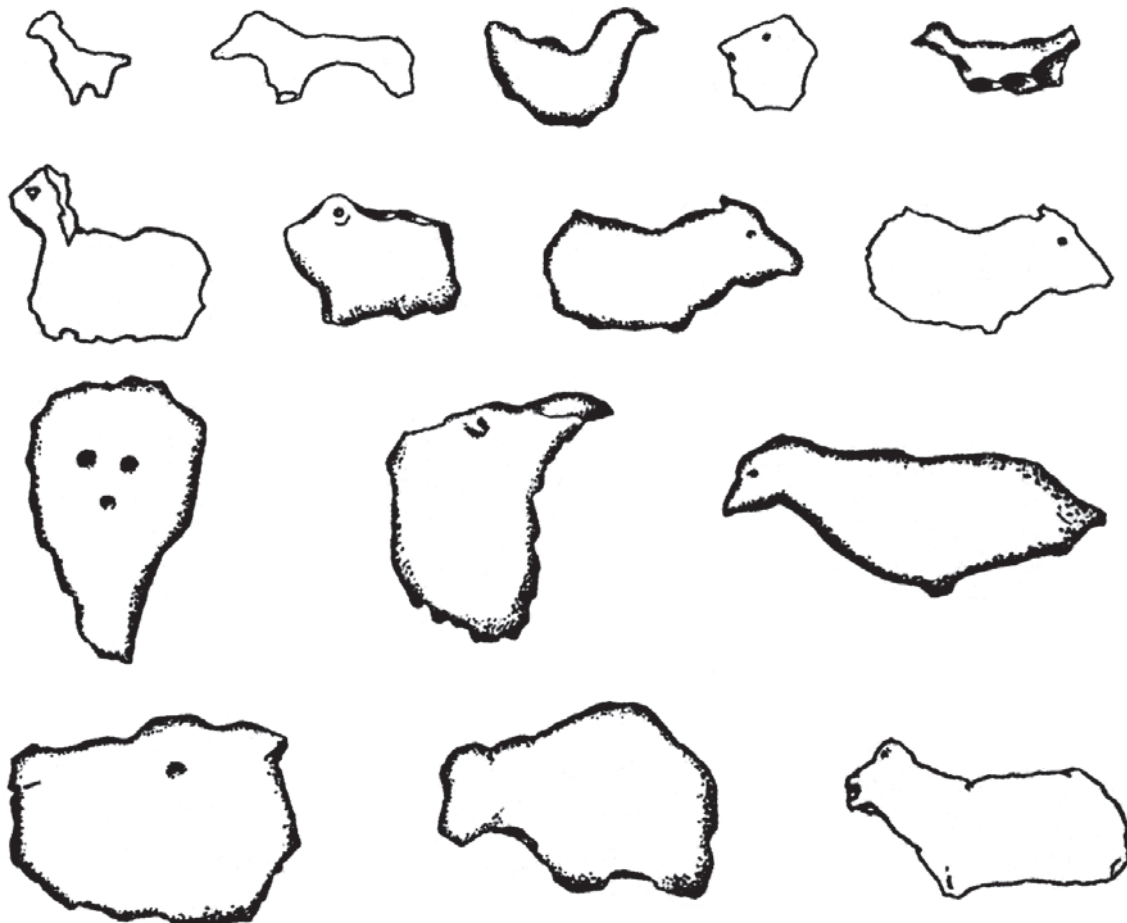

Рис. 2. Образцы «фигурных камней» Буше де Перта – объекты архаического искусства

же, как выделяются из него инструменты». Среди таковых Буше де Перту удалось выделить изготовленные из камня фигуры мамонта, бизона и лошади.

Для чего, однако, все это делал «человек природы»? Буше де Перт, отвечая на такой вопрос, высказал и тут много «преждевременного». «Не без колебаний и опасений» (по его признанию) приступил он к поискам ответа – «для чего?». «Колебания» вызывались удивлением – ведь искусство, подчеркивал он, выходит за пределы «насуточных потребностей» «допотопного человека», ибо «искусство – излишество». Ответ предлагался неординарный: стремление «человека природы» к занятию искусством определялось зарождением в его голове идеи «божества», желанием «существа религиозного» видеть «идеал», а он мог быть отражен с наибольшей силой только в образах искусства. Буше де Перт утверждал далее, что предок искал и «хотел видеть» как во внешнем, предметном, так и одновременно в себе самом («в своем сердце»), в том, что подсказывало ему воображение, а рука пыталась выразить в образах, запечатленных в предметах искусства. «Первую молитву» и «первого идола» породила, по его мнению, «мощная сила» – помыслы не материальные и не физические, а «необходимости духовные», «потребности мышления». «Жажда духовного» стала причиной появления «идолов, памятных знаков и символов».

В заключение Буше де Перт определился с вопросом фундаментальным: какие объекты и явления «обожеествлялись народившимися людьми»? Ответ предлагался поразительный, гераклитовски лапи-

дарный, глубокий и энциклопедически емкий: «Они поклонялись Небу (!) и Земле, Добру и Злу, [почитали] «ощутимое» или «видимое» – Солнце, Луну и звезды (!), растения и животных, которых наблюдали чаще всего, на которых охотились». «Человеку природы» не были чужды и стремления к обретению знаний о естественных (позитивных, т. е. вне представлений религиозных) реалиях окружающего мира. Признаки того Буше де Перт усмотрел в рядах ритмических насечек на костях, извлеченных из кельтских, а вполне возможно, и более древних слоев (рис. 3). Он заметил попеременно проведенные на расстоянии 3–8 мм линии длиной 7–5 мм, догадался пересчитать их и сподобился отметить числовые закономерности – количество их на одной кости достигало 20–50, в зависимости от размера, а на нескольких образцах оказалось одинаковым – 25. Особо примечательной Буше де Перту показалась кость длиной 25 см: на двух третях ее длины размещались 25 линий, а третья часть «подверглась скоблению с тем, чтобы стереть размещенные там линии». Вообще все эти кости, большая часть которых была обработана под прямым углом, оказались старательно подготовленными для нанесения этой «серии знаков, имевших свой смысл». А вот каким был он, тот смысл: это – «орудия меры», «отметки маркирования», «метки на память», «числа посвящения» («число 3 на то указывает») и, наконец, главное – «знаки счета», свидетельствующие об умении предка считать и производить измерения. Назначение «фигурных камней» и костей с насечками (записями чисел?), по утверждению Буше де Перта,

Рис. 3. Изображения костей с насечками – числовыми записями, опубликованные Буше де Пертом

изначально заключалось «в передаче важной информации». Они воспринимались дотошным исследователем не как простые «подражания живой природе», а как свидетельства «жизни и мышления», «знаки» и средства «утверждения знаний», символы и своего рода письменность, как повествования с использованием «первого иероглифического языка». «Люди природы», как и люди поздние, думали, что в «священных фигурах» пребывают некие «сверхъестественные силы», коим они и стали поклоняться в ходе свершения «магических ритуалов», направленных на «испрашивание блага [у богов и духов]».

Буше де Перт в полной мере отдавал себе отчет в исключительных сложностях утверждения своих идей. Он понимал, насколько трудно будет принудить специалистов принять его мнение о существовании фигур, открытых в геологических отложениях, возраст которых уходит далеко за пределы библейской хронологии – в «допотопную» эпоху. Препятствий, однако, оказалось значительно больше, чем ему представлялось, а увязывались они не только с хронологией (т. е. с датировкой «предметов художественного творчества» времени ледниковья). Главная причина заключалась в том, что трудными для восприятия оказались его интерпретации (расшифровки) смысла образов, запечатленных посредством «фигурных камней». «Преждевременность» в том и другом определялась еще одним деликатным обстоятельством: неприятием Г. де Мортилье (авторитета непрекаемого в европейском палеолитоведении XIX в.) утверждений Буше де Перта о религиозности «человека природы», о зарождении в голове «первых людей идеи бога» и т. д. Поскольку этот археологический лидер вел всю вторую половину XIX в. ожесточенную полемику с клерикалами, утверждающими извечную связь человека с божеством, то ясно, что

ему не пришлось по вкусу рассуждения Буше де Перта о сложном духовном мире первопретка. Мысли же Буше де Перта о смысле объектов художественного творчества «человека природы» и ныне можно считать сердцевинной концепции разряда эпохальной, во многом опередившей свое время. Воистину авангардными воспринимаются и теперь мысли Буше де Перта о поклонении древних людей небу и почитании ими светил – Солнца, Луны и звезд. Разумеется, это были идеи, на ту пору слабо подтвержденные фактами, но они, те идеи, относятся к разновидности таких, которые многого стоят в науке. Они в ней, полагаю, вообще бесценны.

Заслуги Буше де Перта не ограничиваются прочтением «языка знаков» и раскрытием информационной составляющей «фигурных камней». То же самое он попытался проследить в объектах поздних культур, представив их наследием достижений людей «допотопных времен». «Язык знаков» развивался, по его мнению, «в процессе развития человека и событий», пока в эпоху друидов времени Цезаря (?) не появились гранитные колоссы *peulvans* – менгиры и кромлехи севера Франции – Бретани. «Культ камня» кельтов питали, в общем, те же идеи, что скрывались за скульптурными образами животных и человека допотопной эпохи. Монументальные «стоячие камни» и целые поля их были для них «священными алтарями и богами», далекими, гигантской величины «потомками фигурных скульптур каменного века», своеобразных «дольменов в миниатюре» (рис. 4). Жрецы друидов, служители древних богов, «объединяя усилия масс людей», размещали эти многотонные «истуканы» не как придется. Буше де Перт усматривал в их рассредоточении по землям Древней Галлии «размещение символическое» и воспринимал просторные равнины и долин в качестве «записей гигантскими каменными буквами истории былых событий». От этих великих рассказов сохранились лишь несколько страниц. Отдельные дольмены, разбросанные группы камней дают лишь едва уловимые нити: ткань разорвана, смысл урезан. Останутся ли они навсегда такими, а проблема навсегда неразрешенной?».

Поставив очередной вопрос, Буше де Перт призвал к сотрудничеству всех любителей древностей:

«Мы передаем эту задачу для изучения всем. В стремлении к познанию мы отнюдь не хотим, чтобы непременно возобладало именно наше мнение. Мы лишь надеемся узнать истину».

Однако дело такое вовсе не показалось археологам сколь-нибудь достойным отклика. «Изучать задачу», а решая ее, – отыскивать истину, которая волновала Буше де Перта, они не захотели и не устремились к тому. Произошло, как водится, прямо противоположное. На следующий год после издания второго тома «Кельтских и допотопных древностей» Общество исследователей старины Пикардии на очередном конгрессе в Лионе «откликнулось»: оно официально оценило находки из Аббевиля «не имеющим ценности хламом». Эхом участникам его вторили «святые отцы», скорые на физические и душевные казни ослушников церкви: они приняли решение включить сочинения Буше де Перта в черный список еретических изданий, что означало наложить запрет на прочтение паствой его трудов как противоречащих канонам и духу священной Библии.

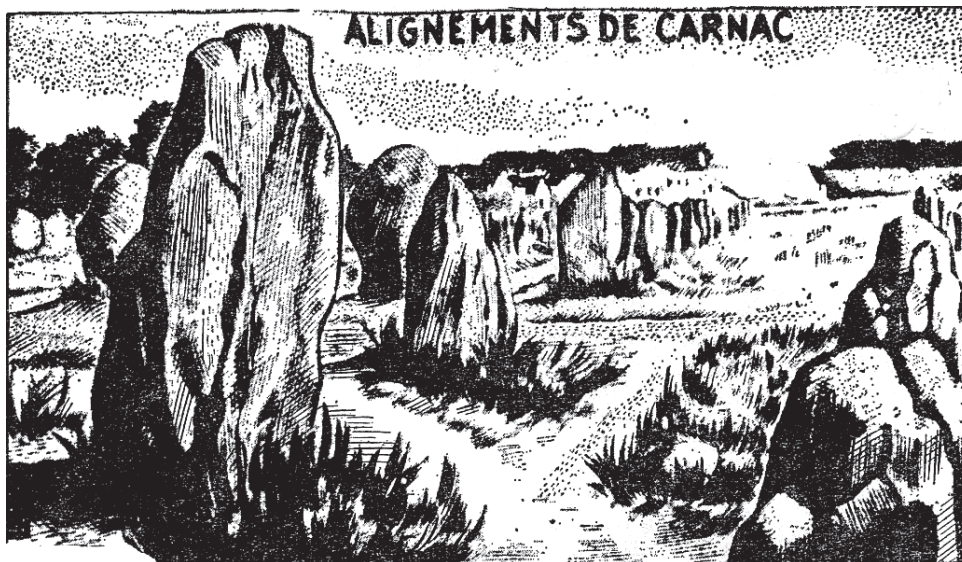

Рис. 4. Ряды каменных плит Бретани (Франция), по мнению Буше де Перта, – «записи гигантскими каменными буквами истории былых событий»

«Еретику» потому не оставалось ничего иного, как, подводя итоги своей многолетней изнурительной борьбы с церковниками и «комиссиями» от академии, обреченно констатировать: *«Я стою против огромной стены, против огромной одушевленной стены, имя которой Академия и Институт Франции. Работа над камнем совершенно очевидна, но я один, кто признает это...»*.

В очередной раз произошло давно и хорошо известное всем: *«Пророков нет в своем Отечестве»*. Но призывы их могут быть услышаны (при удачном стечении обстоятельств) в отечествах иных. Таковыми стали для Буше де Перта сначала соседняя с Францией Англия, а затем далекая Россия, страна, которую он посетил в 1856 г. (Boucher de Perthes, 1859) с целью экзотической – *«взвять увидеть в Санкт-Петербурге останки мамонта, допотопного современника «человека природы», доставленного по приказу Петра I из Сибири И.Г. Мессершмидтом (идентификацию останков произвел Ж. Кювье, выдающийся палеонтолог Франции, но он же и яростный противник «допотопной» древности человека, а значит, – влиятельный недоброжелатель идей Буше де Перта)*. Порадовало под конец жизни лишь одно: император Наполеон III, *археолог-любитель, увлеченный астрономией и раскопками «кельтских городов», решил создать Музей древностей. Он пожертвовал под «храм национальных святынь» один из своих загородных замков, известный у парижан под названием Сен-Жермен-ан-Лэ. По этому случаю Буше де Перту было отправлено подписанное «высочайшим» письмо, в котором его величество давал понять, что будет счастлив, если тот, кто в молодости лично знал представителей семейства Наполеона I, передаст в Музей на хранение свою «святыню» – коллекцию тех самых оббитых камней, которая десятилетие назад была отвергнута академией, а затем определена археологами как «не имеющий ценности хлам». Выходит, в оценках древностей, собранных изгоем-археологом, император-изгой оказался прозорливее специалистов из научных сообществ страны и дальновиднее родственников, которые не сохранили бумаги научного архива «чудаковатого собирателя курьезов», уничтожив их как «бытовые отбросы».*

Восприятие научным сообществом Англии открытий Буше де Перта. Подтверждение величия их результатами раскопок Э. Лартэ и Г. Кристи пещерных стоябищ «человека природы».

Все началось с поездки весной 1858 г. (т. е. на следующий же год после выхода в свет второго тома «Antiquités Celtiques et Antédiluviennes») английского геолога Х. Фальконера в Аббевиль, на берега реки Соммы, где Буше де Перт многие годы настойчиво и целеустремленно проводил изыскания по «допотопным» культурам, уверенный в правоте своих идей. При осмотре обнажений гость из соседней страны сам обнаружил в глинах «допотопного периода» костные останки южных слонов и носорогов, *а вместе с ними каменное рубило*. Эти находки вдохновили лидеров английской науки Чарльза Лайеля, Джона Эванса и Флауэра на посещение Аббевиля для того, чтобы убедиться воочию в правильности выводов Буше де Перта о «человеке природы» и «допотопной» древности его (что и было осуществлено 26 апреля 1858 г.). Эту точку зрения поддержали затем персоны высокого научного авторитета – Джон Лёббок, государственный деятель, этнолог и писатель, а также Джон Прествич. Официальное заявление о положительном отношении к открытиям Буше де Перта было сделано геологом Д. Эвансом 26 мая 1859 г. на заседании Лондонского Королевского общества (Академия наук Англии). В специально принятой резолюции признавалась искусственность обработки камней Аббевиля и особо подчеркивалось (быть может, из желания больно уколоть самолюбие «бессмертных» французской Академии), что, конечно же, *«допотопный человек», вне каких-либо сомнений, жил в эпоху вымерших животных*. О том столь же уверенно говорил на заседании Британской ассоциации наук в Абердине (Шотландия) и геолог Ч. Лайель: *«Находки на Сомме не оставляют сомнений – человек был современником вымерших животных: мамонтов, носорогов, бизонов и северных оленей»*. А в журнале «Athenium» (Афины, Греция) 16 июля 1859 г. была напечатана статья некоего Рамсея, в которой отмечалось, что *«ручные топоры, найденные в Аббевиле, являются произведениями искусства, точно так же, как, положим, гравюры»*.

В последующие годы археологи стали открывать одно за другим стоябища и «пещерные убежища» «допотопных людей» в разных странах Европы. Итогом результатом всех этих событий стало предложение Дж. Лёббока, высказанное в 1862 г., назвать самый ранний период каменного века Европы, для которого были характерны лишь оббитые орудия, *древнекаменным веком, палеолитом*. Это были те самые инструменты, искусственность обработки которых Буше де Перт тщетно пытался обосновать при неоднократных беседах с одним из руководителей Академии наук Франции. Возраст слоев, где они залежали, превышал, по мнению геологов Англии, полмиллиона лет. *Это было время ледниковой эпохи*, а продолжительность ее Ч. Лайель определил тогда же в *800 000 лет*. Воистину то была та самая «допотопная пора», о которой размышлял «смутьян из Аббевиля».

Столь же неожиданно вскоре решилась и проблема появления искусства у «человека природы», а сделали то соотечественник Буше де Перта – Эдуард Лартэ и англичанин, любитель археологии, владелец аукционного центра по продаже предметов искусства Генри Кристи (рис. 5 и 6). При раскопках «допотопных стоябищ» в начале 60-х годов XIX в. им удалось обнаружить в одном слое с примитивными каменными орудиями предметы искусства «допотопного человека» – *гравированные на поверхностях костей и каменных плиток изображения копытных животных*. Они выглядели столь выразительно, что усомниться в реальной принадлежности их к предметам художественного творчества было невозможно (рис. 7). Среди находок особое впечатление произвела на всех гравюра мамонта, исполненная каменным резцом на крупной пластине из бивня (рис. 8). Из этого со всей очевидностью следовало: Буше де Перт был прав, утверждая, что «человек природы» – современник вымершего животного, покрытого шерстью мамонта, которого никто из людей цивилизации живым не видел и потому изобразить его с множеством специфических деталей никак не мог. Стало ясно, что оппонент академии справедливо настаивал на «пристрастии» «человека природы» к искусству, усмотрев среди «фигурных камней» скульптуры бизона, лошади и мамонта.

Более всего озадачило наличие в новой коллекции объектов искусства изделий с насечками, подобных опубликованным Буше де Пертом. Э. Лартэ и Г. Кристи обнаружили изделия из бивня, кости и рога, поверхности которых покрывали *определённым образом сгруппированные насечки, зарубки, черточки и лунки*. Позже все эти предметы с «пиктограммами» будут описаны и представлены как объекты, которые служили «для счета», как охотничьи или памятные отметки, как «знаки нумерации, выражающие разные величины», «для счета в игре», как «знаки распознавания», наконец, как «знаки собственности» и самое, быть может, примечательное из допустимого – «для счета периодов времени» (здесь и далее цитаты заимствованы из книги: Lartet, Christy, 1875). В сущности, речь шла о *зарождении календаристики и астрономии в глубинах древнекаменного века*, мысль о чем в свое время интуитивно предвосхитил Буше де Перт, когда писал о возможности отражения в каменных скульптурах троглодита «допотопной эпохи» «ощущения и восприятия Солнца, Луны, звезд, деревьев и животных». Такая гипотеза была навеяна Э. Лартэ сходством костей с насечками на краях и гранях с *руническими календарями, на которых именно таким способом фиксировались недели, месяцы, а также сезоны*. О том он написал прямо и в связи с этим исключительного значения выводом (хоть и, как принято говорить в таких случаях, «преждевременным») обратил внимание на то, что знаки на костях по форме их, направлению и количеству составляли группы в 40, 32, 22 и 11 знаков. Они представляли собой поперечно или продольно направленные к оси изделия нарезки прямые, косые или изогнутые, вертикально или косо направленные, часто параллельно друг другу. Иногда знаки выглядели крестообразными, а также более сложными по форме.

Э. Лартэ отметил, помимо того, «нерегулярность или неправильность положений» и размеров «серии зарубок». «Не без некоторого труда» он заметил следующее: длинные ряды насечек или отдельные их скопления подразделялись равными промежутками на обозначенные группы, которые состояли из 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7

Рис. 5. Э. Лартэ

Рис. 6. Г. Кристи

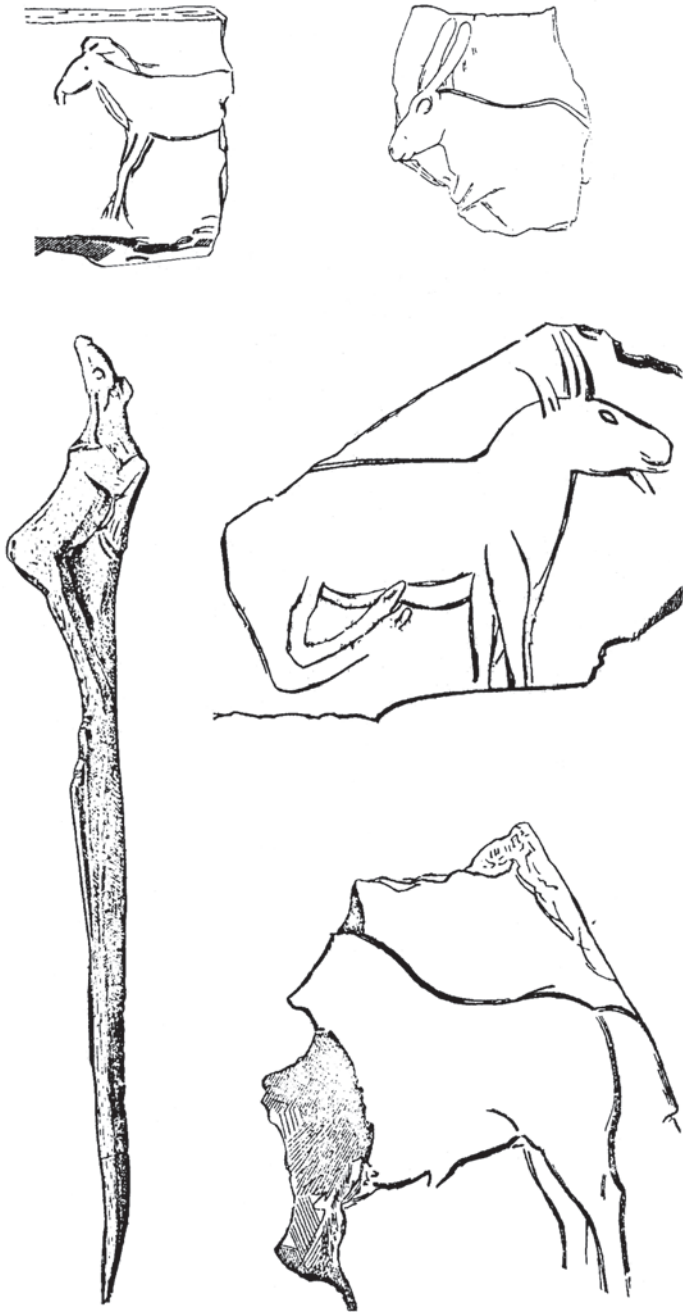

Рис. 7. Гравюры и скульптурное изображение копытных животных эпохи палеолита. Из коллекции Э. Лартэ и Г. Кристи. Первая публикация

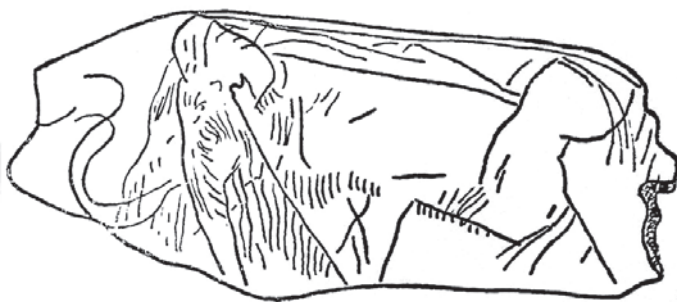

Рис. 8. Гравюра мамонта на пластине из бивня. Из коллекции Э. Лартэ и Г. Кристи. По Э. Картальяку

и 9 знаков. Э. Лартэ, оценивая вертикальные нарезки на одной кости из пещеры Ла Мадлен, написал, что они изображают «один, два, три и другие числа». Иногда нарезки группировались парами, каждая из которых состояла из трех или четырех знаков. Группа из 6 широких косых насечек подразделялась на два отчетливых блока из двух и четырех знаков, причем последние выглядели «несколько изогнутыми или почти угловатыми». Мелкие насечки на другой кости составляли то, «что можно было увидеть не сразу – две тройки, одну шестерку и часть других групп». Серии изогнутых и косых зарубок располагались иногда парами. В одном случае таких пар оказалось четыре, а в другом сложную фигуру образовывали шесть пар зарубок.

В особенности Э. Лартэ удивила пластина из бивня мамонта с мелкими нарезками по краям, «сделанными, вероятно, для украшения» (см. рис. 9). Необычное изделие неизвестного назначения было найдено при раскопках скального навеса Горж д'Анфер, позже названного в честь Э. Лартэ – абри Лартэ. Загадку составляли «совершенно непонятные, если они вообще что-либо означают, серии неглубоких нарезок у краев и в какой-то мере систематически расположенные ямки с обеих сторон. Группы нарезок отличались друг от друга направлением, формой и количеством. Некоторые, возможно, усмотрят в этом какой-то смысл. Трудно определить и то, насколько сознательно делались комбинации из косых поперечных линий, составленных из ямок-точек. Некоторые линии отличаются количеством составляющих их ямок и расположением. Некоторые группы ямок плоской поверхности определяли число 9, вне зависимости от того, как их считать – вертикально или горизонтально. Тем не менее, ни в этом, ни в группах зарубок нельзя заметить определенных указаний на систему чисел, и мы также не можем с уверенностью говорить о каком-либо ясном плане отметок».

Э. Лартэ терзали сомнения при попытках раскрыть назначение счетных знаков. Он порой заходил в колебания настолько далеко, что переставал усматривать осознанность нанесения комбинаций насечек и уходил далеко в сторону от вывода о разработке «допотопным человеком» системы чисел и о познании им неких жизненно важных для него количественных соотношений, допустим, временных (календарных). В особенности озадачивала Э. Лартэ связь насечек с гравированными изображениями животных, а порой и человека. Вот как он оценивал «гравировку» на цилиндрическом стержне с резными рисунками двух голов лошадей, человеческой фигуры и змеи «среди рядов насечек» (рис. 10): «Признаемся, что в этом странном сочетании фигур, как и в них самих, мы не в состоянии уловить ни цели, ни идеи, которые определялись бы сознательным расположением изображений. Смысл их и связанные с ними намерения от нас ускользают. Если другие, более знающие, сочтут возможным усмотреть в этом отражение какой-либо аллегории или символики, мы охотно уступим им заслугу, но и ответственность тоже».

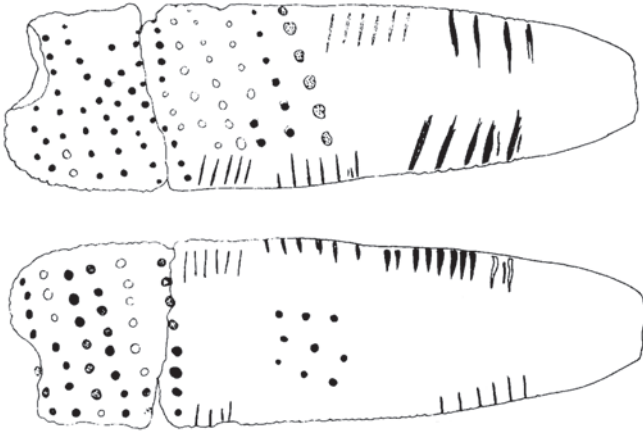

Рис. 9. Пластина с числовыми записями древнекаменного века. Из коллекции Э. Лартэ и Г. Кристи

Рис. 10. Гравюра на роговом стержне со знаковыми «записями», фигурой человека, а также реалистическими изображениями змей и голов лошадей. Из коллекции Э. Лартэ и Г. Кристи

Такого рода неопределенности не позволяли, однако, сомневаться теперь в том, что именно «Человек Природы» в эпохи «зубров и первобытного быка», «мамонта и носорога», «северного оленя» и «пещерного медведя (так подразделил на периоды «допотопные культуры» Э. Лартэ) наносил эти загадочные насечки на кости и рога. Иное дело решить для чего все же понадобилось предку «изобретать искусство», с таким старанием прочерчивать на камне, кости и роге линии и делать зарубки, а также комбинировать их в разных позициях и числовых сочетаниях. Как бы то ни было, но оценки такого рода знаков, которые делали археологи в последующие годы, не выходили за рамки предложенного Буше де Пертом и Э. Лартэ. А чуть позже Э. Пьетт, высказал мнение, что люди древнекаменного века умели считать до миллиона и, обратив внимание на Небо, стали рисовать светила (рис. 11). В насечках иные исследователи видели знаки нумерации, счетные таблицы, бирки, «учетные записи упорядоченного распределения запасов пищи между членами древней общины», знаки «простейшего, штрихового по виду счета и чисел», «чис-

Рис. 11. Э. Пьетт

ловые символы» и даже своего рода иероглифы, «зачаточные варианты письменных записей». В числовых комбинациях знаков пытались даже усмотреть намеки на десятичную систему счисления, а в сочетаниях линий выявить символику римской цифровой системы. Находились и такие археологи, кто предпочитал решения попроще. В насечках они видели «удовлетворение природной потребности человека в украшательстве», стремление «заполнить пустое пространство» (результат «бездумно-машинальных действий троглодита в редкие часы бездельного досуга»). Что касается назначения непонятных предметов из рога и кости с нанесенными на их поверхности и края знаками, то они определялись как «предметы суеверий» – орудия охотничьей магии, культовые или ритуальные объекты, как талисманы и амулеты. Высказывались также мнения, что они использовались при гаданиях.

Князь Павел Арсеньевич Путятин и его оценка идей Буше де Перта. Открытие не стоянке каменного века в Болого (североевропейской России) шиферной пластины с изображениями приполярных созвездий. Начало становления астроархеологии. Смена политического режима в России в конце второго десятилетия прошлого века надолго погрузила в забвение видного археолога и антрополога П.А. Путятина (1837–1919 гг.), одного из выдающихся представителей интеллектуальной элиты Российского государства второй половины XIX – начала XX в. (рис. 12). Он был первым из русских археологов, кто вступил в интенсивный контакт с высоким ранга специалистами по археологии Европы, для чего выезжал за рубеж, где принимал участие в работе европейских съездов и конференций с 1889 до 1905 г., детально прорабатывал труды ведущих этнологов Европы Дж. Лёббока (состоял с ним в переписке), Ч. Лайеля, Д. Эванса, А. Катрфажа, Э. Лартэ, Г. де Мортелье, Э. Картальяка, Л. Капитана и Э.В. Ривьера (лично был знаком с первооткрывателем пещерного искусства Франции, первым палеолитическим погребенным, настойчивым сторонником «реабилитации» Альтамиры и первооткрывателя пещерного искусства Испании – М.С. де Саутуолы; подробности см. Ларичев 1999; с. 79–93; 102–120). Это позволяло ему находиться в курсе дискуссий и веяний в археологии каменного века (подробности см. Мельников, 2000, 71 с.; 2002, с. 196–202; Ларичев, 2004, с. 3–14).

Рис. 12. П.А. Путятин – основоположник астроархеологии

Поэтому не удивительно, что П.А. Путятин знал по литературным источникам (а возможно, и по рассказам живых свидетелей) всю подноготную событий, связанных с открытиями Буше де Перта. В этой

связи он высказал мысль о недопустимости произвола в науке и затронул редкий аспект обстоятельств археологических исследований – нравственную сторону дела: «Мы почти своими глазами видели всю гнусность нетерпимости в лице преследователей славы Франции – геолога и археолога Буше де Перта. Тома его книги «Antiquités Celtique et Antédiluviennes», изданные в 1847, 1857 и 1864, чуть ли не все были истреблены. А какие оскорбления за свои часто справедливые убеждения вынес Буше де Перт? Из-за мелочных ошибок чуть ли не были уничтожены все его труды и заслуги без научного анализа. Так его оскорбляли, зная заведомо, что подобные отношения для людей науки так же мучительны, как сама смерть» (Путятин, 1886; цит. по Мельникову, 2002). Вот что претило П.А. Путятину в делах мнимых «радетелей чистоты науки», которые, увы, не перевелись среди авторитетов академии и вузов донныне: «нетерпимость, переходящая в фарисеев»; «педантические взгляды»; «желание людей, слабых умом, повредить прогрессу [в науке] подпольными интригами»; «зависть к [чужой] идее и новым

отраслям знаний, поддерживаемая клеветой и всякой ложью» (там же).

Перечитывая эти рукописные реплики, так и не напечатанные до сих пор, можно подумать, что П.А. Путятин предчувствовал, какое отношение возбудят у оппонентов его собственное открытие при раскопках в 1885 г. древнего поселения под Бологое «точилки каменного века» и мысли, которые он высказал в связи с этим (тут надобно, предваряя изложение, отметить, что П.А. Путятин увлекался астрономией и, согласно воспоминаниям близких ему людей, достаточно основательно знал ее). А все дело в том, что в разбросе лунок (купул), выгравированных на одной из широких плоскостей трапециевидной шиферной пластины, он усмотрел созвездие Большой Медведицы, а также ряд других созвездий приполярной части неба – Волопаса, Дракона и Гончих Псов (*Canis venatici*) (см. рис. 13), о чем и доложил на заседании VI Одесского астрономического съезда и 18 марта 1886 г. на заседании Отделения русской и славянской археологии Императорского русского Археологического общества (см. Путятин,

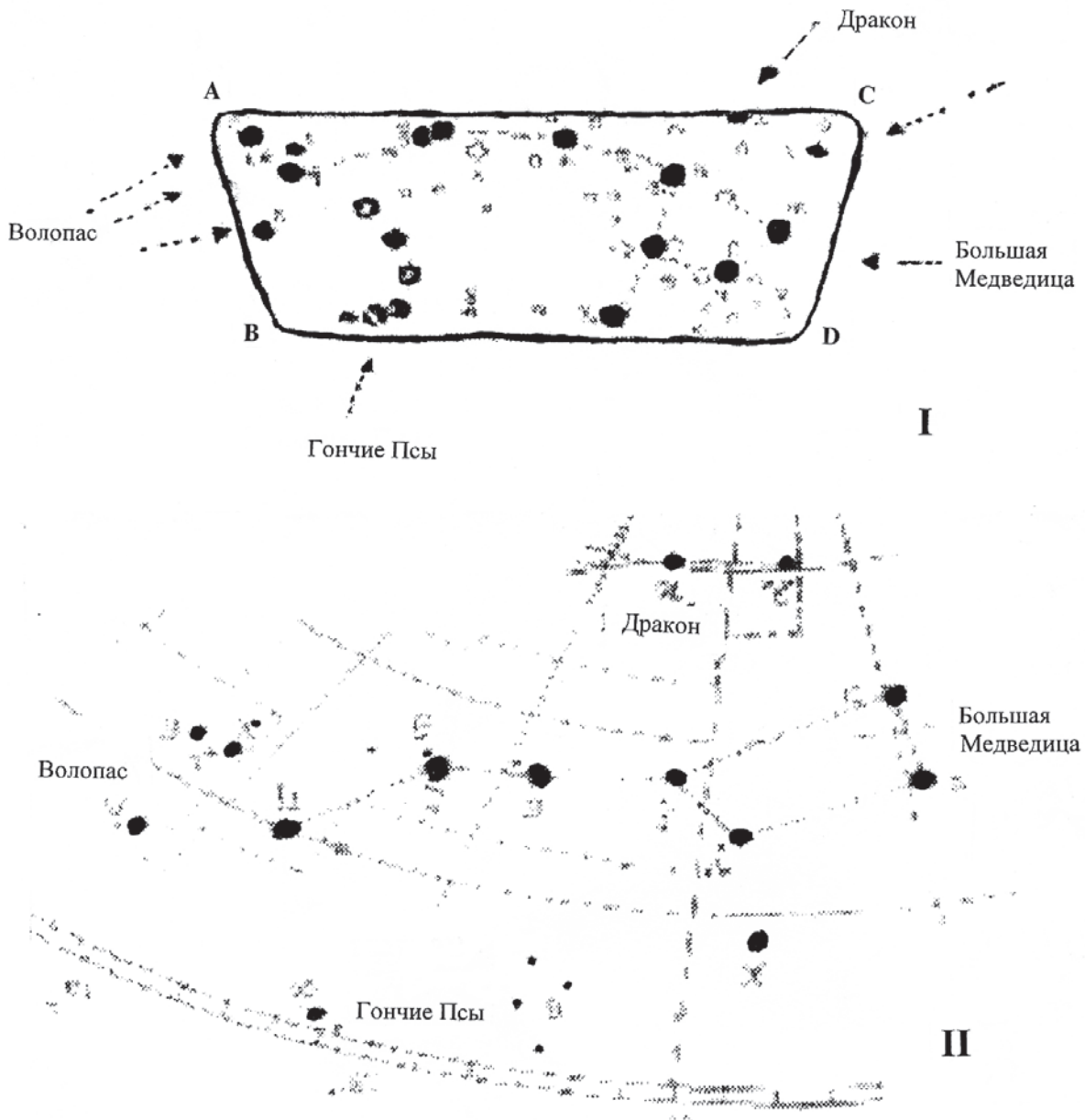

Рис. 13. I – схематичный рисунок шиферной пластины с изображениями приполярных созвездий (по П.А. Путятину); II – те же созвездия на современной карте звездного неба

1887, том VI, с. XIV–XV; Путятин, 1882; 1886. Рукописи, 24 и 43 листа; подробности см. Мельников, 2000; Путятин, 1885, с. IX–X. Рукопись в архиве Института истории материальной культуры, ф. 15, № 5, л. 134–134 об. По сведениям В.Л. Мельникова).

В этом эпизоде отразились завидные исследовательские качества князя – нестандартность мышления, склонность к новаторству, способность выйти за пределы догматических установок, умение превратить рядовую, на первый взгляд, находку в особой значимости объект, а скрытый в ней информационный контекст распознать и сделать дерзостный (прямо-таки в духе высказываний Буше де Перта) вывод. Дерзостный потому, что люди каменного века представлялись археологам XIX в. существами убогого мышления, не осведомленными о богах, погрязшими в дикарского уровня хозяйствовании, которое едва позволяло им выживать. Предки виделись тогда подобиями представителей отсталых племен Африки и Австралии, как они описывались этнографами XIX в. и Ч. Дарвином при посещении им Огненной Земли Южной Америки. Между тем, П.А. Путятин объявлял об открытии некоего астрономического разряда документа, свидетельства интереса к небу творца культуры каменного века Восточной Европы. Ведь если допустить точность оценки им сущностного содержания «узора», выгравированного на «каменной точилке», то далее следовало признать вот что: предок каменного века воспринимал не только свою «обитель», Землю, но и смотрел на небо; он не только замечал в просторах его светящиеся ночью точки, звезды, но и начал группировать их, выделяя созвездия; его внимание привлекла не какая-нибудь, а Полярная звезда, вокруг которой в течение ночи обращаются все звезды Севера. Сказанное означало ни что иное, как свидетельство отхода древнего человека от обыденностей земной жизни, как доказательство широты его кругозора, сложности мировоззрения и силы интеллекта, обретения им некоего объема естественно-научных знаний. Отсюда следовал вывод о том, что именно П.А. Путятину принадлежит честь закладки фундамента протонауки и формулирования первых канонов астральной проторелигии. Поскольку, ко всему прочему, речь шла о никому неведомой культуре каменного века, памятники которой располагались не в ближайшем соседстве с регионами первых цивилизаций долин Нила, Тигра и Евфрата, а «в захолустье» – на севере Европейской России, в краю непроходимых чащоб и топких болот, то мнение П.А. Путятин о наблюдениях предками каменного века неба, звезд и созвездий не могло восприниматься археологами иначе как абсурдное и потому априори не подлежащее обсуждению. И это при том, что, думаю, вне ведения их не оставалось совсем уж озадачивающее (нетерпимое) для «завистливого ученого мира» обстоятельство – невольная претензия князя на учреждение новой отрасли науки о древностях, астрономической (по другой, его же версии – космической) археологии. Это следовало из названия доклада на заседании Археологического общества – «Из области астрономической археологии. Изображение созвездия Большой Медведицы на точилке каменного периода России».

Вывод П.А. Путятин был дерзостным еще и потому, что, стремясь донести до специалистов важность проблем, связанных с новой, открытой им областью археологических знаний (астрономических, космических), П.А. Путятин, конечно же, отдавал себе отчет о «тяжести работы», которую придется взвалить на свои плечи археологу, если он включит в сферу своих интересов как насущную, для дела, необходимость «новую отрасль знания» – «астрономическую археологию». Предчувствуя неприятности, князь обращался к примерам нелегкости становления нового в других науках, писал о «преддверии пыток», которые придется испытать от «невежества известной среды с ее научной нетерпимостью» и склонностью авторитетов к «сильным моральным» истязаниям незаслуженно (с их точки зрения) удачливых коллег.

Можно легко догадаться, как восприняли археологи астральные интерпретации «узора» на пластине, если рукопись П.А. Путятин не удостоилась выхода в свет по знаменательной причине. Ее рекомендовали издать, но по разряду не археологии, как следовало, а востоковедения. Можно лишь горько пожалеть, что публикация и по такому отстраненному от археологии разряду не состоялась, ибо любопытствующие нашли бы в статье редкой ценности материалы по археологии, наблюдательной астрономии, астрологии, мифологии и даже медицине. П.А. Путятин собрал и проработал исторические источники на десяти языках.

К интерпретациям, согласно его заметкам, сочувственно отнеслись лишь профессионалы – астрономы Одесской университетской обсерватории. Во всяком случае, «начальные попытки [археолога] сделать определения созвездий» не вызвали у них замечаний в точности предложенных идентификаций звезд. Но тогда возникли проблемы хронологии «карты», а также видимости невооруженным глазом определенных звезд, что вынудило П.А. Путятин обратиться с письмом «к известному французскому специалисту [по истории астрономии] Николу Камиллю Фламариону» (рис. 14). Вот текст его, напечатанный в журнале «L'Astronomie» (№ 2, 1885, с. 48; перевод П.А. Путятин) под знаменательным заголовком – «Archéologie Astronomique» – «Астрономическая археология»:

«Господин директор!

Ваше исследование по переменам очертаний созвездий через собственное движение звезд и Ваши исследования по древней астрономии побуждают меня передать Вам на решение факсимиле астрономического рисунка, сделанного на шиферной точилке, найденной мной в своем имении Болгоее возле озера того же наименования в неолитическом слое. Этот древний предмет из времен каменного века, эпоху которого определить трудно, как видно из приложенного в натуральную величину рисунка, носит на себе характеристическое очертание семи звезд Септентриона (семизвездия), а также и других звезд, которые, как мне кажется, принадлежат той же Большой Медведице и [соседним] созвездиям: Охотничьим Собакам, Волопасу и Дракону. Звезда зета Большой Медведицы обозначена двойной. Такое же изображение имеет и звезда альфа, сердце Кар-

ла II созвездия Охотничьи Собаки. Эти названные звезды, равно как и звезда *альфа* Большой Медведицы, изображены в *большем, чем другие, раз- мере*. Между *альфой* и *дельтой*, между *дельтой* и *эпсилон* и возле *зэты* находятся три довольно большие звезды, которые нельзя различить на небе простыми глазами. Тут есть еще другие меньшие звезды. Эти разные звезды не изменили ли свою величину с доисторического времени? Наружный вид семи звезд созвездия Воз (Большая Медведица) есть ли неправильность доисторического работника, или соответствует оно действительной фигуре, восходящей к эпохам очень отдаленным? Линия АВ может означать горизонт. Линия CD не означала ли направление полюса в тогдашнюю эпоху, когда звезды лямбда и каппа Дракона были полярными?

Другие отмеченные на точилке звезды были ли когда-либо видимы простыми глазами?

Знание неба, должно быть, практиковалось в России протоскифами.

Эти звезды не лучше ли видимы в других странах азиатских миграций?

Примите, М. Г., и пр.».

Ответ Н.К. Фламариона был напечатан в том же номере журнала (см. с. 48–50; публикуется часть текста; перевод П.А. Путятина):

«Предшествующее сообщение вызывает большой интерес, и мы благодарим князя Путятину за то, что он нам его адресовал. Оно, в самом деле, ставит многие проблемы.

Прежде всего, форма созвездий изменяется со временем: на страницах нашей «Популярной астрономии» (см. с. 704) можно видеть, какое было расположение семи звезд созвездия 50 000 лет назад. Если бы рисунок Большой Медведицы был сделан за 50 000 лет, 40 000 лет или только 25 000, *он разнился бы довольно от нашего, так что мы бы могли ему определить приблизительное время*. Собственные движения, которыми оживлены эти семь звезд, имеют главным образом то действие, что поднимают из века в век звезду *иту* к продолжению почти прямой и малоизменяемой линии (*дельта, эпсилон, зэта*) и к тому, чтобы ее удалить от других шести, к физической системе которых она, впрочем, не принадлежит и только оптически составляет с ними одну группу. Но на рисунке точилки можно заметить, что положение звезды *иты* **не очень разнится от настоящего положения**, не более чем *альфа*, которой собственное движение одинаково противоположно пяти другим. И с этой точки зрения астрономия не может определить точное время этого рисунка. Волопас и в нынешнее время **мог быть нарисован сходным с этим изображением...**».

Из заключения следовало, что изображение созвездий на пластине из Бологое было сделано в эпоху, близкую современности, и, значит, датировка пластины временем неолита представлялась оправданной. Ведь около начала III тысячелетия до н. э. Северный полюс, в самом деле, определяли звезды хвоста Дракона (линия CD на схеме П.А. Путятин ориентирована именно в том направлении).

Рис. 14. Н.К. Фламарион

Судя по всему, Н.К. Фламарион был озадачен неожиданной находкой на севере Европейской России. Но, оценив уникальность ее, он в конце письма считал нужным воздать должное князю:

«Как бы то ни было, но это редкого интереса документ (*единственный до сих пор в пределах нашей осведомленности*), и потому трудно в достойной мере возблагодарить тех исследователей, которые, разыскивая следы прошедших веков, делают их известными [для науки], ибо, обретая известность, *такие изыскания вносят вклад в общий поступательный ход человековедения*».

Н.К. Фламарион в принципе допускал, что сведения об астрономии могут отыскиваться даже в «прошедших веках» начала человеческой истории – в «допотопных временах» древнекаменного века Европы (Фламарион, 1994. 447 с.; Ларичев, 1986. 174 с.). Он знал о результатах раскопок стоябищ «допотопных троглодитов» и представлял, сколь чудовищно примитивной была культура тех, кого археологи палеолита XIX в. живописали «дикими первобытными существами». Тем не менее, астроном благоразумно уклонился от категорической оценки «*истинного уровня цивилизованности*» архаических предков, сославшись на *отсутствие точных указаний*» на сей счет (превосходный пример проявления «презумпции невиновности» предка по части беспросветной глупости своей в суждениях представителя естественных наук; пример, достойный подражания, представителям науки «неестественной», гуманитарной, а именно – археологам, то, не дожидаясь появления «указаний» на цивилизованность или, что бывает чаще, – *не видя их, не понимая и не воспринимая такие «указания»*, торопятся унижить объект своего изучения – предка, а заодно и тех, кто не согласен с вердиктом «первородного дебилизма» его). В свете этого мне представляется, что неоднократные обращения Н.К. Фламариона к археологии в последующие годы при попытках его отыскать истоки астрономических знаний в первобытных культурах *получили начальный импульс от письма П.А. Путятин* с вопросами о «каменной точилке». Вот несколько цитат из сочинений Н.К. Фламариона, подтверждающих это предположение:

«Научимся же читать историю Неба по этим *каменным и бронзовым обломкам*, оставленным предками, и постараемся распознать по драгоценным остаткам нашего прошлого великую и бесценную идею, от которой трепетали сердца наших дедов»;

«*Первобытная древность астрономии*, происхождение небесной сферы и созвездий, взгляды древних на строение Мира – вся эта научная панорама представляет необъятное зрелище, в котором видна вся душа и жизнь человечества с его могуществом и бессилием, с лихорадочным любопытством и томлением, с вечным неотступным желанием до всего дойти, все узнать, над всем властвовать».

Н.К. Фламарион воспринимал историю астрономии как *ключевое звено уяснения закономерностей развития общества*:

«Без истории астрономии мы не можем ничего оценить ни в истории человечества, ни в истории Вселенной».

Подводя итог изложению идеи П.А. Путьятина о необходимости выделения в науке о первобытности специфического направления отрасли – «*астрономической (космической) археологии*», гармонично совместившей в себе интересы гуманитариев и естественников, стоит отдать должное основоположнику ее, этой отрасли. «Дерзость» князя в части видения «*астрономического аспекта*» в «узоре» шиферной пластины со стоянки Бологое питала способность творческой личности воспринимать факты вне шор традиционной археологической догматики, убежденность ее, этой личности, в том, что «первобытная жизнь протекала на *общечеловеческих основаниях, с которыми необходимо считаться прежде всего*» (Мельников, 2000, с. 20) и, не в последнюю очередь, умение выбрать из веера противоречивых представлений о каменном веке и способностях человека той эпохи как раз то воззрение, которое, как выяснится через столетие, в наибольшей степени соответствует истине (ориентация, видимо, на идеи «изгоев» западноевропейской археологии – Буше де Перта, М.С. де Саутуолы и Э.В. Ривьера де Прекура; подробности см. Ларичев, 1999. 318 с. Главы I–IV).

Выбор такой определялся интуицией и чутьем, близостью духа и характера П.А. Путьятина соответствующим качествам отдельных зарубежных коллег и, конечно же, профессионализмом, соответствующим уровню развития археологии последней четверти XIX в. П.А. Путьятин воспринимал образы и знаки, запечатленные на каменных плоскостях, «*книгами верований*», в которых предки выражали «*космогонические истины*» (результаты осмысления, а также олицетворения сил природы) и основы религиозных воззрений:

«*Космогонические истины нигде так ясно не выражаются, изучение Природы нигде так не поддерживается, как в основных книгах наших верований*»; «*истинная религия никогда не была против практического изучения сил Природы*».

В свете того, как развивались события далее, на протяжении почти 100 лет, становится ясно, что идея П.А. Путьятина не имела тогда ни малейших шансов на успех. Обращаясь к последующим страницам истории астроархеологии, следует сразу же заметить, что отрасль эта развивалась в разных

направлениях, нигде, однако, не встречая понимания адептов главного по неспровоцированной враждебности оппонента своего – классификационной археологии.

Дж.Н. Локьер. Путь астрофизика в археологии: проход из «Страны слепых» в «Страну зрячих». *Полевая астроархеология*, нацеленная на выявление астрономических аспектов в разного рода памятниках культуры, стала детищем выдающегося организатора науки Англии, члена Королевского общества (Академия наук Британии) Джозефа Нормана Локьера (рис. 15). Предваряя разговор о нем, сначала обращу внимание на шаблонный прием злостно предвзятой компрометации астроархеологов представителями вещеведческой археологии: они неизменно представляют своего противника в подчеркнуто карикатурном виде – дилетантом, одержимым завиральной идеей, личностью «не от мира сего», персоной сомнительной репутации по части «здравости ума» и т.п. В случае с Дж. Локьером такой номер пройти никак не мог, ибо он был широко известным в обществе деятелем науки Англии – действительным членом Королевского общества, секретарем Правительственной комиссии по науке, сотрудником Отдела искусств и науки научного общества Южного Кенсингтона, профессором астрофизики Королевского колледжа, директором Обсерватории физики Солнца, почетным членом Парижской и Петербургской академий, руководителем десятка экспедиций, которые на протяжении последней четверти XIX в. отслеживали полные солнечные затмения в разных местах Старого Света, разработчиком новых спектроскопических методов наблюдения протуберанцев Солнца, первооткрывателем гелия на Солнце, исследователем связей между погодой на Земле и солнечной активностью, создателем оригинальной гипотезы эволюции звезд, организатором и первым редактором журнала «Nature», самого авторитетного донныне издания в мире науки, напечататься на страницах которого – мечта любого ученого.

Я преднамеренно перечислил все это, *чтобы стало очевидным неуважительное отношение служителей традиционной археологии к взглядам такого ранга представителя точных наук.* Мое жела-

Рис. 15. Дж.Н. Локьер

ние тем более оправданно, что Дж. Локьер был ученым, который не ограничивал свои научные пристрастия астрофизикой. Как человек на редкость широких интересов, в том числе и гуманитарных, он, волею судеб, обратился однажды к занятиям в области, полярно противоположной астрономии. Его увлекла самая заземленная из наук – археология (см. монографии J.N. Lockyer, 1894; 1909a; 1909b). Но и в новой для себя сфере увлечений Дж. Локьер остался верен главному делу жизни своей: он не оставил в забвении Солнце. Читая сочинения, посвященные древним культурам Англии, и знакомясь с фольклором страны, Дж. Локьер в полном соответствии со своими интересами уделял пристальное внимание фактам, которые подтверждали *поклонение древних самому яркому из светил*. Это увлечение в значительной мере окрепло после того, как в марте 1890 г. он побывал в Греции, где при осмотре храмов старого и нового Парфенона обратил внимание на то, что *их оси ориентировались на горизонт по разным азимутам*. Замеченное настолько поразило Дж. Локьера, что он начал осматривать под тем же углом зрения другие храмы Афин и окрестностей столицы, в частности, знаменитый Элевксинский храм. Как выяснилось, направление осей культовых строений на горизонт примечательным образом варьировало. Особое любопытство Дж. Локьера по части замеченного станет понятным при учете обстоятельства весьма существенного. Он знал, как современные строители ориентируют оси церквей: *обязательно в направлении точки восхода Солнца в тот день, когда происходило празднество в честь того святого, которому посвящался храм*. Дж. Локьер сделал вывод, что и греческие храмы *сооружались с учетом тех же астрономических по характеру соображений*.

Тогда же у Дж. Локьера зародилась гипотеза, что сходные закономерности определяли действия и египетских зодчих при закладке строений, посвященных великим богам страны Хапи. Такая идея требовала проверки. Вот почему в ноябре 1890 г. астроном отправился в Египет и оставался там с небольшим перерывом до марта 1891 г. Результаты изысканий превзошли все ожидания. С самого начала при обследовании, как выразился позже Дж. Локьер, «самых величественных развалин в мире – храма бога Солнца Амона-Ра в Карнаке» ему удалось установить, что ось храма длиной около 500 ярдов ориентирована на 26° в сторону юго-запада, а именно – на точку, где *Солнце заходило в день зимнего солнцестояния*. Произведя соответствующие расчеты с учетом изменений наклона эклиптики (пути Солнца) за минувшие тысячелетия, Дж. Локьер установил, что около 2700 г. до н. э. *последние лучи Солнца, нижний край которого касался в тот миг горизонта, проникали внутрь храма Амона-Ра, достигая самой дальней точки оси святилища*. Расположенный на ее линии постепенно сужающийся проход астроном принял за своего рода *диафрагму телескопа, направленного на заходящее дневное светило*. Размышления относительно возможных принципов ориентации в пространстве культовых сооружений позволили Дж. Локьеру заметить в созданных тысячелетия назад святилищах то, что *и следовало увидеть ему, профессиональному астроному*. В них поистине на поверхности проступало нечто важное, *оказавшееся, к его удивлению, вне внимания историков культуры*. Это мно-

гозначительное «нечто» стали позже называть «*астрономическими аспектами археологических памятников*». Дж. Локьер понял, что ему посчастливилось соприкоснуться с истоками не только его науки – астрономии, но также математики. А достаточно основательное знание мифологии, культов, связанных с небесными светилами, и древних календарей привело его затем к весьма значительным культурно-историческим выводам. *Он усмотрел в сухих «астрономических аспектах археологических памятников» ключ к познанию самых сокровенных сторон интеллектуального мира древних, к уяснению сути и подосновы их религиозных представлений и к раскрытию глубины проникновения первобытного человека в тайны природы*.

...Один за другим осматривал Дж. Локьер наиболее впечатляющие храмы Древнего Египта, определяя каждый раз с максимально возможной точностью ориентацию длинных осей каждого из святилищ. И всякий раз оказывалось, что постройки сооружались с учетом *ночного восхода или захода определенных звезд*, которые могли определять часы ночи, или, что было особенно важно с точки зрения начала храмовых служб, *восхода звезд, предвещающих на час появление Солнца из-за горизонта*. Так, первое «явление» из-за восточного горизонта звезды после семидесяти дней ее отсутствия считалось сигналом для начала ритуала, предшествующего главному празднеству. И вот что самое поразительное: семь из осмотренных Дж. Локьером храмов оказались ориентированными на ту самую точку горизонта, где *накануне дня летнего солнцестояния перед восходом Солнца впервые после семидесяти дней отсутствия появлялась особая чтимая в Египте звезда Сотис-Изида, Сириус*, что предвещало разлив Нила и один раз в 1460 лет знаменовало наступление египетского Нового года *в начале последней декады июня*.

В ходе работы Дж. Локьер неоднократно беседовал с археологами и египтологами, в том числе с выдающимся египтологом XIX – начала XX в. Э. Баджем, интересуясь, помимо вопросов специальных, изучают ли историки культуры храмы с учетом заложенных в их структурах точных астрономических знаний. Его любопытство встречало у большинства египтологов недоумение. Но, к счастью, Министерство общественных работ Египта, озадаченное результатами его наблюдений, приняло решение (возможно, под воздействием Э. Баджа) оказать содействие неординарным исследованиям и назначило в помощь Дж. Локьеру будущего директора Музея науки Х.Г. Лайонса. Весь 1892 год Х. Лайонс посвятил изучению древних храмов страны Хапи по методике, *направленной на выявление отраженных в конструкциях святилищ астрономических знаний*. В начале 1893 г. Дж. Локьер снова прибыл в Египет для ознакомления с результатами работы Х. Лайонса, а уже через год в Англии вышла из печати книга Дж. Локьера «Заря астрономии» (переиздание – Lockyer, 1964). Кроме того, в разных городах страны он прочитал серию лекций, посвященных проблеме ориентации древних храмов.

Обращение астрофизика Дж. Локьера к столь сложным сюжетам культурной истории – шаг, не лишенный рискованной смелости, ибо его книгу, как и лекции, встретили неоднозначно. Археологи язвили: *при столь огромном количестве звезд на небе*

храмы неизбежно оказываются направленными своей осью на какую-нибудь из них. Однако Дж. Локьер спокойно парировал этот, кажется, неотразимый с точки зрения гуманитариев довод со сногшибательной профессиональностью, для них неожиданной: не на «какую-нибудь», а лишь на восемь звезд ориентировались древнеегипетские храмы, и то были именно те звезды, с которыми соотносятся боги, упомянутые в храмовых надписях, известных, конечно же, египтологам и, как он надеется, археологам тоже. Так, если он, Дж. Локьер, обращает внимание на то, что храм Изиды в Дендерах был ориентирован осью при постройке его в 700 г. до н. э. в направлении на точку восхода Сотис-Изиды, Сириуса, то ведь такое заключение объясняет и неведомое ему при начале исследования содержание надписи, открытой в том же храме: «Изида светит в своем храме в день Нового года, и она смешивает свой свет со светом своего отца Ра на горизонте». Разве Ра – это не Солнце, а Изиды – не Сириус, который в 700 г. до н. э. взшел в новогодие (в начале последней декады декабря) за час до появления в небе дневного светила как раз в той точке горизонта, на которую направлена ось храма? Наконец, разве археологи ошибаются, утверждая, что храм Изиды в Дендерах был сооружен как раз в 700 г. до н. э.?

В том же духе он мог говорить и об ориентации остальных храмов, поскольку, начиная работу (в том заключалась особая значимость полученных результатов), Дж. Локьер не подозревал, что в отдельных святилищах сохранились надписи, относящиеся ко времени их основания. Тексты, описывающие церемонии при проведении линии от центра будущей постройки к той звезде на горизонте, которая воплощала бога – покровителя святилища, позволяли проверить метод астрофизика. А если надписи в египетских храмах не сохранились, ему удавалось методом определения направления их оси на одну из восьми особо чтимых в Древнем Египте звезд устанавливать дату закладки фундамента постройки. Таким образом, его метод позволял датировать памятники классической древности с помощью невиданного ранее в археологии приема – астрономического.

О том же свидетельствовали результаты исследований коллеги Дж. Локьера – Ф.К. Пенроуза, который с тем же методическим подходом и в те же годы обследовал храмы Греции. Его работа облегчалась тем, что датировка святилищ Эллады была разработана античниками лучше, чем египетских, и Ф.К. Пенроузу удалось убедительно доказать, что каждый храм сооружался с учетом направления на звезду, которая восходила на востоке или, напротив, скрывалась на западе за час до появления в небе Солнца или через час после ухода светила за горизонт. При восходах это всякий раз были звезды, возвещающие наступление утра великого праздника, когда первые лучи Солнца должны были проникнуть в храм и осветить в нем святая святых – алтарь или мраморную статую божества. Чтобы представить, с какой точностью ориентировались храмы, достаточно было обратиться к Парфенону. Как установил Ф.К. Пенроуз, его ось ориентировалась на восход Плеяд около 1150 г. до н. э. Его прямоугольное основание имело размеры 100 x 225 греческих футов, что позволило установить величину греческого фута (12, 16 британского дюйма). Это составляло сотую долю секун-

ды дуги некоего большого круга. Отсюда последовал вывод, что наличие подобных измерений, основанных на долях размеров экватора Земли, есть свидетельство исключительно высокого развития астрономии в Древней Греции. В феврале 1892 г. Ф.К. Пенроуз прочитал доклад в Обществе любителей древностей о результатах своих изысканий в Греции.

Астрономы стали призывать археологов к диалогу и обмену мнениями по результатам своих наблюдений. Но, к удивлению, а со временем и к недоумению, Дж. Локьер понял, что взаимопонимание и взаимодействие невозможны. Специалисты по древностям подвергали сомнениям отнюдь не вычисления, на что, разумеется, могли обратить внимание лишь астрономы. Дело сразу же приняло катастрофический оборот: неприятие касалось самой идеи – возможности отражения астрономических познаний в археологических памятниках. Наученный горьким опытом первых же столкновений, Дж. Локьер стал отвечать оппонентам с деликатной мягкостью. Суть его заявлений сводилась в основном к желанию, чтобы каждый «археолог знал (хотя бы немного!) астрономию». Стремясь максимально облегчить вполне понятные затруднения, он написал специально для археологов простенький для восприятия его метода учебник (Lockyer, 1909б).

Но тщетно! Вот почему с годами стал звучать лишь монолог астронома, так как археологи потеряли интерес к бессмысленной, на их взгляд, дискуссии. Собеседники, специалисты по древностям, были или глухи, или принципиально не желали изучать язык, на котором пытался объясняться с ними Дж. Локьер. Или они всякий раз обретали слепоту, когда он пытался направить их взгляд на должную точку горизонта, где тысячелетия назад восходили (или заходили) Луна, Солнце и звезды, воплощения астральных богов? Не была ли то разновидность «слепоты» служителей «Святого престола» Ватикана, когда они смотрели в телескоп Галилео Галилея и «не видели» спутников Юпитера потому, что такого быть не могло? Из-за всего этого Дж. Локьеру стало казаться, что о сочинениях его злонамеренно замалчивается.

Оппоненты пока не чувствовали для себя серьезной опасности, поскольку сама постановка проблемы казалась им нелепой. Потуги «чужаков», астрономов разгадать, положим, значимость пирамид, а также храмов, в том числе тех, что сооружались вблизи мест захоронения усопших, обычно вызывали в науке о первобытности настороженность и скептицизм. Но высокого ранга профессионал Дж. Локьер работал в археологии с такой же тщательностью, с какой трудился в астрофизике и не подавал повода к недоверию. В начале XX в. он покинул страну «первой на Земле цивилизации» и обратился к древностям «варваров Северной Европы». На первый взгляд трудно, кажется, вообразить более неудачный для продолжения полемики шаг: поразительные в точности астрономические познания древних, запечатленные в культовых памятниках Египта и Земли обетованной, – это еще куда ни шло. Ведь там, по всеобщему согласию, располагалась колыбель цивилизаций Северной Африки, Европы и Ближнего Востока. Но как можно всерьез усматривать значительность смысла в странных, выложенных кольцами и поставленных рядами камнях страны гипербореев, окраины Земли, где, по единодушному мнению археологов, до прихода

греков и римлян господствовало беспросветное варварство? Однако Дж. Локьер, размышляя над замысловатым кружевом композиций из камней в Дартмуре и в соседней с Англией французской провинции Бретань (там о том же около полувека назад раздумывал Буше де Перт), предпочитал иметь на сей счет свое мнение. В июне 1901 г. он обратился к изучению астрономических аспектов Стоунхенджа, давно известного в Англии «культового памятника» неолита и бронзового века (рис. 16). Итогом работы стал вывод, что каменные структуры Стоунхенджа сооружались с целью фиксации частей так называемого майского (сельского или кельтского, а также египетского бога времени и письма Тота) календаря, в котором четко отмечались восемь кардинальной значимости моментов солнечного года – равноденствий, солнцестояний, а также межсезоний, одинаково удаленных по времени от соответствующих рав-

ноденствий и солнцестояний (аналоги восьми звезд, которые почитались египтянами). Такой годовой календарь длительностью 360 суток, подразделенных на восемь равных частей по 45 суток каждая ($1\frac{1}{2}$ синодических лунных месяцев), заимствовали у людей бронзового века кельты (Дж. Локьер прямо писал о *календарном наследстве строителей мегалитического сооружения*). Эти срединные между равноденствиями и солнцестояниями моменты времени определяли начало или окончание определенного рода хозяйственных работ. Дж. Локьер обратил внимание археологов на тот примечательный факт, что и в современной Англии проведение сельских ярмарок и связанных с ними торжеств определялось все той же восьмичленной структурой майского календаря кельтов. Поразительная в живучести традиция, которая подтверждалась сезонным ритмом жизни фермерских хозяйств страны начала XX в.!

Рис. 16. Стоунхендж – астрономическая обсерватория и культово-обрядовый центр (храмовое святилище). Гравюра конца XVI в.

Так Дж. Локьер с обычной для представителя естественных наук основательностью попытался увязать в единое целое астрономию и археологию культур севера Европы. Астроархеология открыла перед историками захватывающие перспективы. Дж. Локьеру, знакомому с мифологией и календарными культурами, стало ясно, что за пристальным вниманием жрецов святилища к ключевым моментам в «жизни» дневного светила, когда совершались переходы от одного из восьми сезонов к другому, просматривались основы астральной религиозной системы людей бронзового века. Ясно стало и другое: если Дж. Локьер прав, то его идея не просто открывала новые горизонты во взглядах на первобытное общество. Она противоречила самым фундаментальным представлениям археологов о древнем человеке.

Как показали последующие события, это и определило существо трагедии – его личной и той новой науки, которую он имел честь представлять. Кажется, специалисты по древностям, призванные по долгу службы восстанавливать истинный облик предка, должны были приветствовать новую отрасль науки, рожденную на стыке астрономии, археологии и астральной мифологии. Но, как уже, увы, случилось в истории науки не однажды и на что, в связи с судьбой Буше де Перта, обратил внимание П.А. Путятин, все оказалось обратным ожидаемому. Археологи сначала делали вид, что из-за очевидной для них несуразности идеи они не замечают ни лекций, ни статей о Стоунхендже специалиста по Солнцу Дж. Локьера. Он же, удивленный равнодушием к результатам своих исследований, заподозрил археологов в намеренном уклонении от исполнения своего профессионального долга и позволил себе дать им советы. Поэтому-то, видимо, в 1904–1906 гг. в журнале «Nature» появилась серия статей, объединенных одной темой – «Несколько вопросов археологам».

Знаток древностей воспринял эти статьи с редкого пыла негодованием. Разразился грандиозный ученый скандал, апофеозом которого стал публичный демарш археологов в адрес редколлегии журнала «Nature», позволившего напечатать на своих страницах статьи астронома без согласования со специалистами. Математико-астрономические выкладки Дж. Локьера воспринимались английскими археологами как ловкие манипуляции очередного любителя колпачить профессионалов (недаром, видно, превосходный знаток характера своих соотечественников Шерлок Холмс однажды сказал с досадой: «Мы, англичане, – консерваторы. Любой человек, отличающийся от нас образом мышления, кажется нам мошенником»). Раздражение археологов приняло такую силу, что «Nature», любимое детище Дж. Локьера, сделало беспрецедентное в истории журнала заявление: статьи астрофизика (редактора!) были напечатаны «по недосмотру редакции»...

Последствием скандала стала трагическая судьба нарождающейся астроархеологии – на полвека вперед определилось болезненно острое неприятие археологами тех, кто в их епархии осмеливался говорить об астрономических аспектах древних памятников. Неприятие, сохранившееся до сих пор.

Дж. Локьер так и не смог найти общий язык с археологами. Глубоко осознавая свою правоту, он ощутил себя в трагическом положении героя блестящей новеллы Герберта Уэллса «Страна слепых»,

которой как раз в те годы с упоением зачитывалась вся Англия (впервые издана в 1904 г.). Сюжет ее был остро драматическим: зрячий, волею судеб оказавшийся в Стране слепых, пытается объяснить ее обитателям, что мир вовсе не такой, каким они представляют его, исходя из веры в некую «Великую Мудрость» и жесткой установки «*Видеть – это ужасно*». Г. Уэллс всей мощью своего таланта литератора-фантаста выписал парадоксальную коллизию, близкую переживаемой Дж. Локьером, когда его способность видеть больше других вдруг оборачивается духовной изоляцией и трагической судьбой того, кто оказался неспособным передать слепцам свой взгляд на окружающий мир. В результате последствия оказались одинаково печальными и для зрячего в Стране слепых, и для Дж. Локьера в стане вещеведов-археологов: первого, во спасение «Великой Мудрости» и нежелания прозреть, изгнали в горы, где он и умер голодной смертью «под звездным небом», а второго, во благо покоя в стане традиционной археологии, преднамеренно (осознанно) погрузили в глубокое забвение, что в мире науки равносильно казни. Ссылаться на исследования астрофизика, а тем более следовать его пути означало компрометировать себя и ставить под сомнение свою профессиональную компетентность.

Оценивая теперь, век спустя, столь странный парадокс, следует, прежде всего, заметить, что за неприятием археологами-традиционалистами концепции Дж. Локьера скрывалось вовсе не стремление придать своей науке безупречный академический лоск и отнюдь не желание сохранить профессиональную репутацию, как представляют порой историографы сложившуюся в начале прошлого века ситуацию. За сим таилось нечто обескураживающее, а именно ретроградство и консерватизм, ленивое нежелание вникнуть в суть сложных для гуманитарного ума «астрономических аспектов» археологических памятников и, главное, боязнь прослыть «академически несерьезным» или, что уж совсем страшно, «свихнувшимся чудаком». А характеристика загадочного объекта в качестве «ритуального» или «культового» (в сущности, прикрытие полного бессилия иного исследователя проникнуть в смысл предмета, который он взялся изучать) по традиции легко сходил с рук и воспринималась как нечто мировоззренчески многозначительное. Образно говоря, археологи предпочли остаться слепыми подобиями членов сообщества Страны слепых, рожденной фантазией Г. Уэллса, а не разбираться в головоломной для них сути сочинений Дж. Локьера.

Но если это так, то какова же была та «Великая Мудрость», поступиться которой не желали специалисты по древностям? При размышлениях историка науки о реальных причинах неприятия археологами идеи Дж. Локьера легко обнажается настоящая подоснова печального хода событий в традиционной археологии рубежа XIX–XX вв. А все дело в том, что археологи тогда приняли на вооружение «Великую Мудрость» – теорию «*Urdummheit*», дарвиновского толка эволюционную идею «первородной глупости предка», его чрезвычайно низкого культурного статуса, узости круга знаний «примитивных предков», лишенных элементарных понятий об искусстве и науке. При восприятии древних культур под углом зрения концепции «*Urdummheit*» попытки выявить аст-

рономические аспекты в археологических памятниках выглядели авантюристическими. В такой ситуации не следует удивляться тому, что астроархеологи с их необычным направлением в исследованиях воспринимались иронически и насмешливо. Их в лучшем случае снисходительно журили, называли «романтиками», а то и «фанатиками» или по-джентельменски мягко – «фантастами», «людьми с причудами». Их критиковали за грубые просчеты в оценке уровня развития человека первобытного общества и обвиняли в намерении «поколебать основы» ради обретения славы. Создавалось впечатление, что от незыблемости одного из постулатов «Великой Мудрости» вещеведческой археологии о господстве «первородной глупости» в «изначальных культурах» – зависело житейское благополучие адептов ее и покойное течение дел на раскопках и в музейных хранилищах. Предпочтение отдавалось не эволюционирующей науке, а имитации ее.

Дж. Локьер в отличие от представителей клана традиционной археологии отдавал себе отчет в нелепости установок теории «*Urdummheit*». И он ответил на выпады достойно: летом 1906 г. из печати вышла книга «Стоунхендж и другие британские каменные памятники с точки зрения астрономии». Через три года, расширенная за счет описания других памятников, она была напечатана вторым изданием (Lockyer, 1909a). В краткие периоды отпусков Дж. Локьер продолжал изучать те памятники Англии, которые позволяли приоткрыть завесу над обстоятельствами зарождения точных протонаук.

В ходе поисков Дж. Локьер неизменно убеждался в четко продуманной координации размещения древних памятников, предназначенных для наблюдений за небом, в отражении с их помощью некоей сложной геодезической модели посредством строго рассчитанного размещения на местности святилищ, менгиров и групп камней (напомню – о том же самом размышлял в середине XIX в. Буше де Перт). Накопление подобного рода фактов не производило, однако, впечатления на археологов. Но вот опять парадокс: неприятие астроархеологии по-прежнему не питалось результатами проверок выводов Дж. Локьера и его соратников. Специалисты по древностям, вооруженные неотразимо (так им представлялось) убедительной теорией «*Urdummheit*», если бы даже, допустим, могли самостоятельно провести проверку, не испытывали в том потребности. Они были убеждены, что «ересь» питается обстоятельством банальным – все той же неосведомленностью Дж. Локьера, чужака в Стране слепых, в «примитивной природе» первобытного общества, что освобождало их от хлопот опровержения самоочевидных заблуждений. Логика в такой позиции была сродни известному умозаключению одного из героев А.П. Чехова: «Этого не может быть потому, что такого не может быть никогда».

Не удивительно, что вскоре методом борьбы с теорией Дж. Локьера стало преднамеренное умолчание специалистами по древностям Англии о результатах исследований в области астрономической археологии (отработанный со времен Буше де Перта прием расправы с неосвященными традицией идеями, которые нарушали спокойствие профессионалов). Если обратиться к сочинениям английских археологов, изданным после смерти Дж. Локьера, то складывается впечатление, будто такого человека

вообще не было на свете. Впрочем, ту же видимость создают и публикации корифеев советской археологии 1920–1970-х гг., на страницах которых мне не удалось отыскать упоминаний о трудах Дж. Локьера. Отсутствие интереса к ним определялось, надо полагать, все той же теорией «*Urdummheit*», которой отнюдь не была чужда марксистская историко-материалистическая наука о первобытности. Астроархеология к тому же панически пугала. Археологи помнили преподнесенный Дж. Локьеру жестокий урок и, видимо, не рисковали касаться астральной темы. Она их ужасала чудовищной сложностью работы с использованием малопонятной методики.

Вот почему в сходной ситуации оказывались один за другим исследователи интеллектуально-духовных сторон жизни творцов культур первобытности, которые вели изыскания в русле методикометодологических установок, сформулированных в общих чертах Буше де Пертом, П.А. Путьяниным и Дж. Локьером во второй половине XIX в. и в первом десятилетии XX в.

Кратко представлю ход астроархеологической направленности поисков на примере работы двух видных деятелей западноевропейской науки 20–30-х годов прошлого века и одного отечественного.

Истоки палеоастрономии. М. Бодуэн и К. Хентце: звезды, Солнце и Луна в искусстве древних культур. Дж. Локьер не стал пророком в своем отечестве, но, в точности так же, как в случае с Буше де Пертом, он был воспринят в таком качестве представителем археологической школы соседней Франции, будто пожелавшей вдруг отыграть реванш за курьезные события начала становления палеолитоведения в конце 50-х годов XIX в. Речь идет о Марселе Бодуэне, археологе и геологе, известном в столичных кругах знатке иностранных языков, в том числе классической древности, и журналисте, перу которого принадлежали очерки, посвященные знаменательным открытиям в науке (рис. 17). Он слыл в среде коллег высокого авторитета исследователем первобытности, что подтверждает его статус учредителя Доисторического общества Франции, а позже – почетного генерального секретаря этой общенационального масштаба организации, объединяющей в единое целое специалистов по древностям страны.

Авторитет, однако, стал, видимо, постепенно расшатываться, когда в течение первого и второго десятилетий XX в. в печати стали одна за другой появляться статьи М. Бодуэна, посвященные астрономическим аспектам разного вида археологических памятников и знаково-образным композициям на поверхностях камней времени неолита, бронзы и железа. Последние он воспринял изображениями *со звезд*, особо популярных у мореходов эпохи античности и эллинизма, – Плеяд, Большой и Малой Медведиц, иных (как на шиферной пластине П.А. Путьянина из Бологое!) звездных скоплений приполярной зоны неба, а также самой Полярной звезды (см. рис. 18 и 19; о неолите см. Baudouin, 1916a; 1922)*.

*Приношу глубокую благодарность членам Доисторического общества Франции, сотрудникам Института палеонтологии человека (Париж) и дирекции архивных услуг департамента de la Vendée La Roche-sur-Yon, которые любезно, бескорыстно и оперативно предоставили в мое распоряжение публикации М. Бодуэна, отсутствующие в библиотеках Сибири, а также список хранящихся в архиве рукописных материалов исследователя. Мне особо приятно было получить фотопортрет М. Бодуэна.

Рис. 17. М. Бодуэн

Мне не удалось получить конкретные сведения о том, как археологи Франции реагировали на неожиданный разворот деятельности М. Бодуэна в сторону исследований, подобных тем, которые вел Дж. Локьер в те же годы в Англии. Могу, однако, предположить, что реакция была негативной – в полной мере сходной с убийственным демаршем археологов Англии, которые предъявили ультиматум редакции журнала «Nature», выразив тем самым обструкцию укрепляющей свои позиции астроархеологии. Косвенным свидетельством неприятия соотечественниками взглядов М. Бодуэна на раннее появление у предка интереса к Небу и светилам можно воспринять его реплику во введении к обобщающему труду «La Préhistoire par les Etoiles», изданному в 1926 г.:

«Я ясно вижу это [культурное] явление [древний звездно-солнечный культ] лишь потому, что не принадлежу ни к какой официальной школе. Благодаря профессии журналиста, которой занимаюсь с раннего возраста, я обладаю абсолютной свободой духа. Я практик, доисторик и геолог, и в то же время увлечен культурами Азии и Халдеи, а также древними языками. А более всего потому, что я веду исследования всех неведомых следов, оставленных в наших древних почвах поколениями жрецов и колдунов, без учета предвзятых мнений» (Boudouin, 1926. P. XIII).

В этом переполненном эмоциями пассаже легко просматривается ответ критикам по главной в науке проблеме – *предоставления ученому свободы осмысления фактов без оглядки на принятые авторитетами установки*. К таковым М. Бодуэн относил, конечно же, странное для него неприятие первобытниками Европы главной идеи зарождающейся астроархеологии – глубокой древности появления у людей интереса к небу и светилам, что предопределило становление в архаических сообществах *первой в истории человечества религиозной системы – звездно-солнечного культа*. Подтверждению истинности такого взгляда М. Бодуэн посвятил четвертьвековой длительности изыскания, упорно двигаясь, как он любил повторять, «от известного к неизвестному». К последнему относились им факты, хронология которых выходила за рамки времени существования культур эпохи бронзы и железа.

Если недоверчиво принимались публикации

М. Бодуэна, посвященные объектам, сходные с теми, которые анализировал, выявляя календарно-астрономические аспекты, Дж. Локьер (мегалиты, кромлехи, дольмены, погребальные сооружения, храмы, святилища и т.п.), то трудно вообразить, какое шокирующее впечатление производили издания, в которых анализировались свидетельства наличия звездно-солнечных культов в каменном веке. Причем не только в эпоху «полированных изделий», неолита (это куда бы еще не шло), но и (с той же степенью уверенности) во времена «оббитых орудий» – древнекаменный век, охватывающий все стадии эволюции верхнего палеолита – мадлен, солютре и ориньяк (культуры ранних *Homo sapiens* Европы), а также палеолита среднего, мустье и даже нижнего ашеля (культуры «обезьянообразных» гоминид – неандертальцев и питекантропов). В качестве источников, подтверждающих его мысли о тесной взаимосвязи самой по себе эволюции людей от их животного состояния к разумности с появлением и развитием астрального характера религии, М. Бодуэн использовал композиции из купул, по его убеждению, символов звезд, в разбросе коих он, как и П.А. Путятин в купулах на шиферной пластине из Бологое, усматривал Плеяды, Большую и Малую Медведицы, а также знаки, сложных конфигураций фигуры, символы и анималистические образы искусства палеолита – как малых форм, так и пещерного искусства (см. рис. 20; подробности см. Boudouin, 1916a и б; 1931, а также соответствующие разделы монографии Boudouin, 1926).

По его убеждению, палеолитические охотники и собиратели Европы были предтечами астрономических традиций, которые отчетливо фиксируют памятники послеледниковой эпохи. Своеобразные приемы «прочтений» (расшифровок) «орнаментальных» и знаково-образных композиций на предметах искусства малых форм и настенных изображений в пещерах позволили М. Бодуэну высказать мнение о том, что начинал с эпохи ашеля и мустье люди древнекаменного века наблюдали звезды и выделяли в разбросах их примечательные скопления. Он был убежден, в частности, что *Homo sapiens*, творцы культур верхнего палеолита, особо почитали Плеяды, появление и исчезновение которых с небосклона знаменовало сезонные перемены, связанные с днями равноденствий (наступление весны или осени). М. Бодуэн не сомневался в знании палеолитическими людьми длительности солнечного года и осведомленности их по части созвездий не только приполярных, но и зодиакальных, т.е. тех, которые определяли путь Солнца в небесном пространстве в течение года. Он, возможно, первым высказал идею относительно восприятия палеолитическим человеком звездных скоплений пояса эклиптики в анималистических образах, которые составляли основной репертуар пещерной живописи и гравюр ледниковой эпохи, а также определяли сюжеты гравюр, барельефов и скульптур искусства малых форм того же времени.

Все это, конечно, вне детализаций и акцентаций на подробности изложенное, официальное палеолитоведение воспринять не могло даже на уровне полезности предварительного обсуждения того, что успел опубликовать М. Бодуэн. Офици-

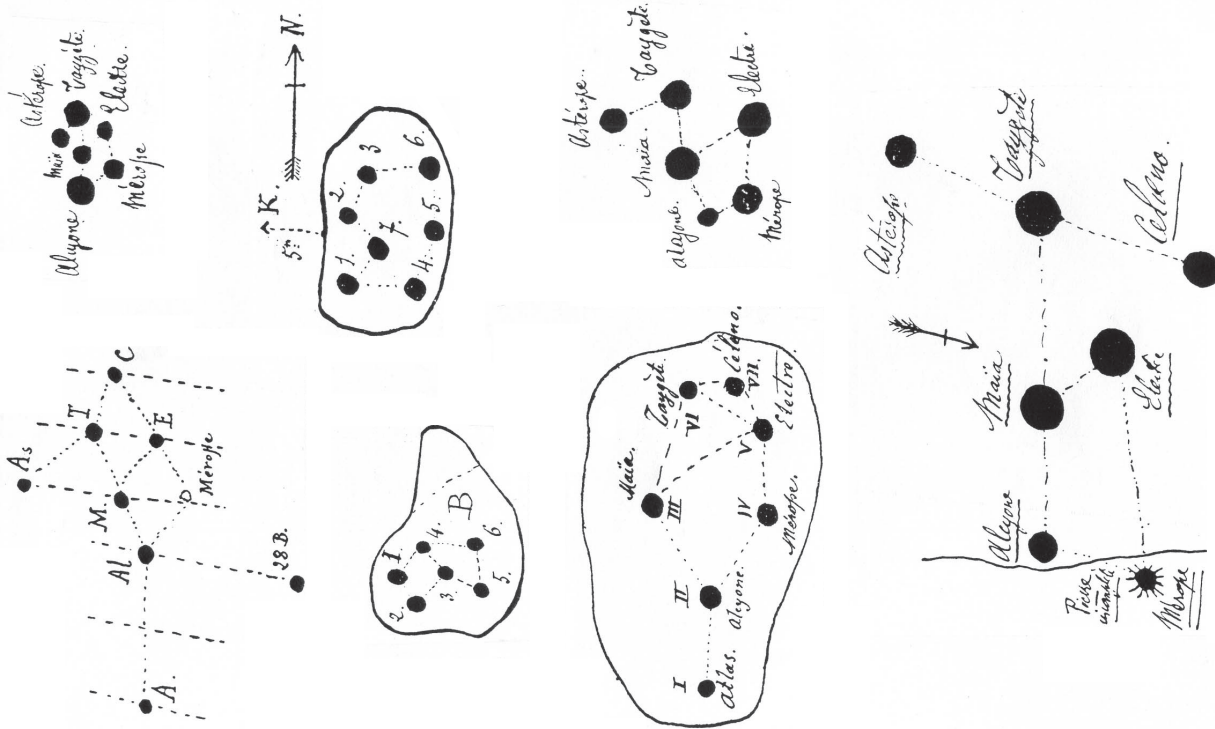

Рис. 18. Изображения созвездия Плеяды (по М. Бодуэну). Каждую из композиций составляют купулы (округлые углубления, выбитые на поверхностях камней)

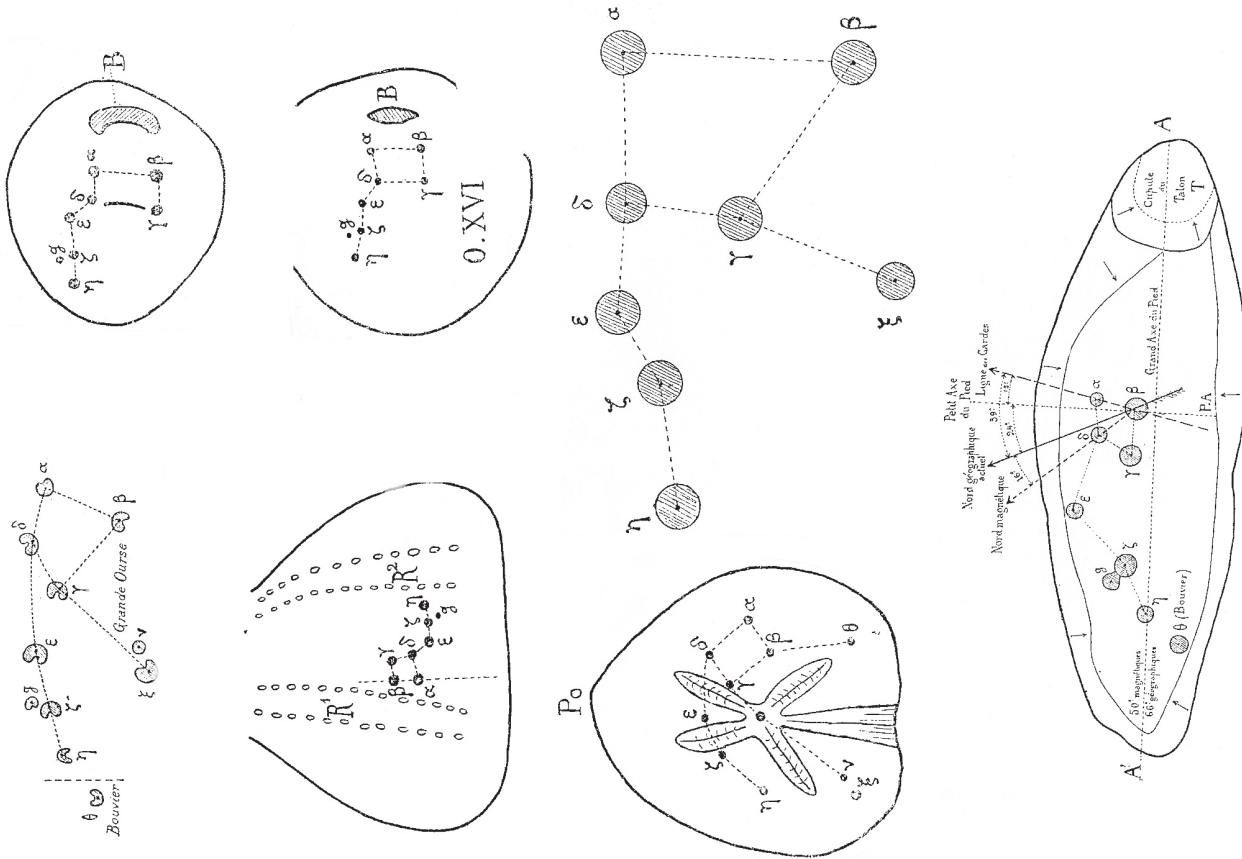

Рис. 19. Изображения созвездия Большая Медведица (по М. Бодуэну)

Рис. 20. Предметы искусства малых форм из Арюди и Лурда со знаковыми «записями», которые М. Бодуэн интерпретировал в качестве астрономически значимых. Из коллекции Э. Пьетта

циоз, наверное, еще приходил в себя после громких скандалов, связанных с непризнанием им живописи и гравюр древнекаменного века, открытых М.С. де Саутуолой в Альтамире (Испания) и Э.В. Ривьером де Прекуром в Ля Мут (Франция), и полной капитуляцией его, официоза, перед лицом очевидных фактов (подробности см. Ларичев, 1999). Концепция М. Бодуэна о звездно-солнечной религии в палеолите относилась к той категории неординарных открытий, которые авторитеты той поры, не способные оценить, а значит, и принять на вооружение в оперативных исследованиях, предпочитали называть в последующем «преждевременными» (не они же поставили проблему и предложили вариант решения ее!). Этот лукавый прием, призванный объяснить и оправдать нетерпимость к новому (ученое ретроградство), опасен потому, что притормаживает изыскания в непроторенных наукой направлениях на десятилетия. Это и случилось с темой, которую М. Бодуэн поставил, но с должной убедительностью разработать не успел. Имя же его и замыслы погрузились в забвение почти на полвека, разделив судьбу идей предшественника – Дж. Локьера. Вот почему тщетно искать ссылки на труды его в историографических очерках прошлого века, посвященных искусствоведению палеолита...

М. Бодуэн не считал, видимо, завершённой разработку концепции звездно-солнечной религии как исходной в культурах первобытности каменного века. Его, в частности, озадачивало отсутствие в источниках явных в очевидности указаний на внима-

ние служителей культов «доцивилизованной эпохи» к Луне – второму (после Солнца) великому космическому божееству. В этой связи он высказал убеждение, что свидетельства существования лунных культов должны наличествовать в соответствующих материалах, но остаются незамеченными вследствие глубокой скрытости (сакральной замаскированности?) художественных символов и образов ночного светила.

Что тако оно в действительности и было, подтвердили в очередные после смерти М. Бодуэна десятилетия XX в. исследования выдающегося историка культур и искусства Китая, а также соседних с ним регионов Азии Карла Хентце (см. его монографию, специально посвященную анализу лунных культов, – Hentze, 1932; подробности о научной деятельности востоковеда, искусствоведа и мифолога см. Евсюков, Ларичев, 1985; там же подробная библиография) (рис. 21). Научное наследие К. Хентце, его методы и результаты поисков оцениваются оппонентами по-разному. Среди откликов ши-

роко представлен весь спектр мнений – от благосклонных (и даже восторженных) до скептических и негативных, с безучастностью, а то и прямым противостоянием наиболее влиятельных ученых и коллег по профессии. Но его многочисленные монографии и статьи широко использовались и получали лестные оценки признанных в мировой науке ученых, в том числе Г. Кюна, М. Элиаде, К. Леви-Строса, К. Антонио и Н. Науманна. Объясняя неоднозначность восприятия трудов К. Хентце, его биограф М. Паркерт писал так: «Вовсе не двусмысленность результатов и не неприемлемость методики К. Хентце, равно как и не косность или злая воля критиков и коллег, обрекли его труды на бесплодные дискуссии и недоразумения. Дело в том, что само творчество автора и дух его времени находились в резком противоречии между собой» (Porkert, 1978). К сказанному следует добавить, что негатив со стороны искусствоведов первобытности и профессиональных археологов определялся, полагаю, астроархеологическим контекстом результатов его семантических изысканий (космическая информационность образов, знаков и символов искусства и культовых объектов культур неолита, бронзы и железного века, а также, в одном особо для меня значимом случае, – палеолита).

Если располагать проблемы, которые изучал К. Хентце, в порядке исторической хронологии, то начать следует с древнейшего китайского искусства времени неолита. Внимательно отслеживая наиболее интересные находки и открытия, он в многочисленных монографиях и статьях постоянно, в раз-

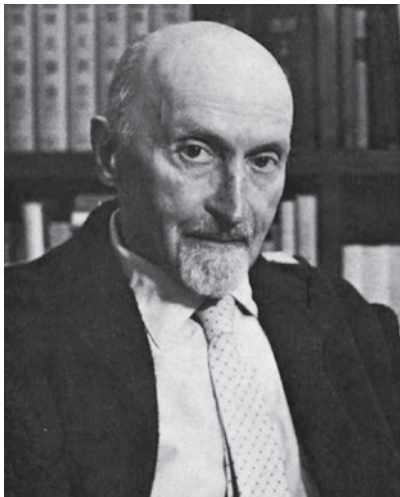

Рис. 21. К. Хентце

ных контекстах и связях, обращался к сюжетам китайской неолитической живописи, давая им оригинальные и своеобразные объяснения и толкования. К. Хентце первым предположил наличие в узорах на стенках сосудов культуры яншао художественного изложения сложных и целостных мифологических сюжетов. За основу в интерпретациях он принимал лунарные мифы. По его убеждению, мифы о Луне составляли важнейшую, если не самую важную, часть архаических мифологий и мировоззрения в целом. Что касается общей оценки смысла раннего изобразительного искусства Китая, то она сводилась к следующему: «Несомненно, что эта керамика с ее символикой, обращенной в первую очередь к воде, дождю, грому, фазам Луны и связанной с культом предков, могла принадлежать только земледельческой культуре».

Обращаясь к главной области научных интересов К. Хентце – семантике декора китайских ритуальных сосудов эпох бронзы и железа – династий Шан, Чжоу и Хань, следует сказать, что и здесь он проявил себя как истинный новатор. Не вдаваясь в анализ всех многочисленных и разнообразных по смыслу интерпретаций сюжетов, запечатленных в «орнаментике» сосудов, предложенных им, выделю главную идею, которая пронизывает все его работы: китайское искусство эпохи бронзы и железа, как и неолита, полно глубокой мифологической символики, а *вовсе не является собой результат стремления древних мастеров к затейливому украшательству*. Символика древнекитайских художественных бронз не просто отражала те или иные мифы и религиозные представления, но по самой сути своей была космична в том смысле, что в ее основе лежали наиболее важные космогонические и космологические воззрения иньцев, чжоусцев и ханьцев. Космичность как самой мифологии, так и изобразительного искусства проявляется самым различным образом. Любое архаическое произведение искусства есть, по мнению К. Хентце, такое целое, которое представляет собой уменьшенный слепок космоса, его модель, выражающую в концентрированном виде основные качества и параметры мифологической Вселенной.

При всей сложности и полисемантности любой космогонии и космологии в них выявляются некоторые наиболее важные мотивы и тенденции. По К. Хентце, для китайского искусства эпохи бронзы

и железа таким основополагающим мотивом служила идея борьбы между светом и тьмой, буквально пронизывающей все изобразительное творчество того периода. Особо популярный в орнаментации древнекитайских бронзовых изделий сюжет изображает проглатывание (или, наоборот, извержение через рот) одного фантастического существа другим. Светоносное существо, пожираемое Демоном мрака, согласно концепции К. Хентце, – это Луна. Популярность такого сюжета он усматривал в том, что именно лунарные мифы составляют центральное звено архаических мифологических систем. Эта идея проходит через все творчество К. Хентце, проявляясь в анализе предметов искусства от палеолита до первых цивилизаций. Важно при этом заметить, что лунарная проблематика тесно увязывалась им с календарным аспектом. В капитальной монографии «Myths et symboles lunaires» он обобщил огромный фактический материал многих народов Евразии и Америки и предпринял попытку выявить универсальные лунарно-календарные закономерности и установить связь изображений с календарем посредством подсчета структурных элементов композиций.

В этой связи фундаментальную значимость приобрела оценка К. Хентце палеолитического объекта искусства, «украшенного» спиралью, – пластины из бивня мамонта, обнаруженной в 1929 г. М.М. Герасимовым при раскопках Мальты, стоябища древнекаменного века (Прибайкалье, долина р. Белой, притока Ангары; датировка ≈ 20–24 000 лет от наших дней; см. рис. 22; современный взгляд на предмет см. Ларичев, 1985). К. Хентце оценил открытие сибирского археолога как имеющее «основополагающее значение для исторической науки». Анализ информационных структур спиралей, составленных из миниатюрных купул, он начал с того, что отклонил мысль о возможности восприятия таких углублений в качестве простых звеньев орнамента и отсутствия в «узорах» смысловых нагрузок. Примечательно, что К. Хентце в связи с этим обратил внимание на то, что именно подобного рода «кружки», но несравненно большего размера, зафиксированы археологами на поверхностях плит и т.н. «каменных бабах» Сибири. Эти «идолы», по его мнению, «несомненно лунного значения», не случайно покрывались кружками с точкой в центре или «концентрическими кругами», поскольку в таких элементах «их спиральный или звездный смысл выступает со всей очевидностью».

Размышляя о семантике кружков, К. Хентце сделал исключительно важный с методической точки зрения шаг, когда предположил связь с ними «каких-то астральных расчетов», характеризующих дни лунного месяца. Обратившись к кружкам, выгравированным на поверхности изготовленных из камня «змееголовых каппадокийских идолов», которые странным образом напомнили ему палеолитический предмет из Мальты, он произвел подсчет симметрично расположенных углублений с выступами в центре. Ему показалось не случайным, что на одном из «идолов» количество таких кружков соответствовало числу суток к синодическому лунному месяцу, во время которого «происходит полная эволю-

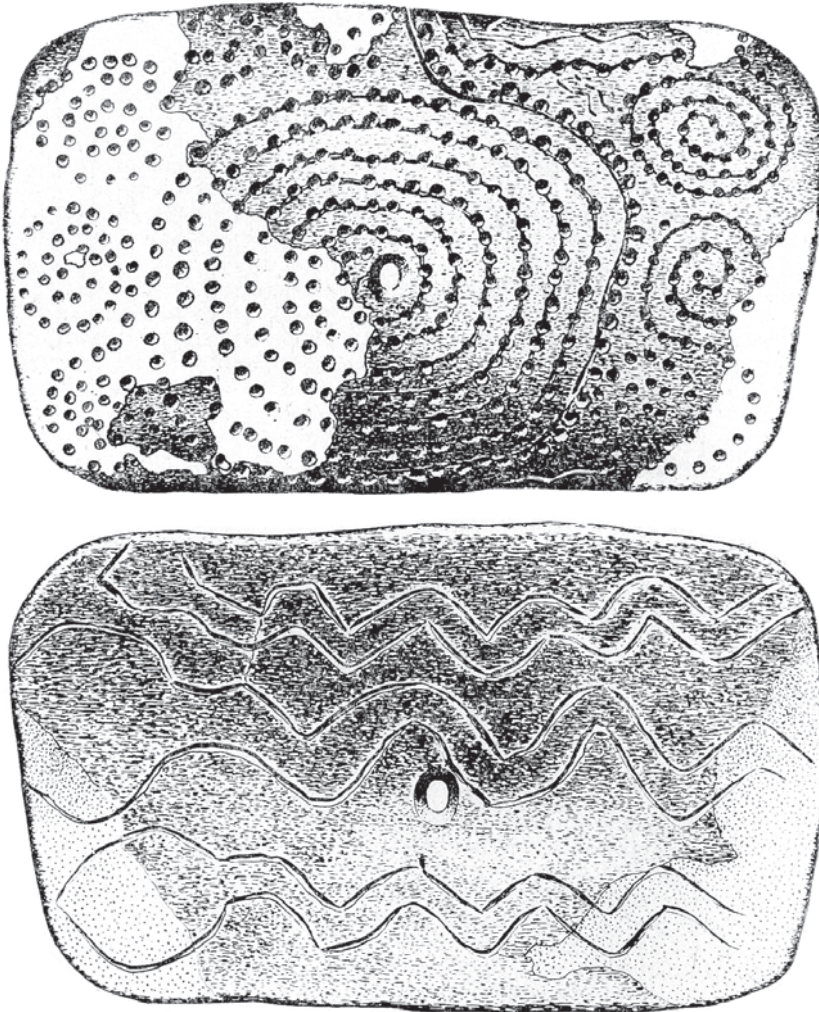

Рис. 22. Пластина из бивня мамонта, обнаруженная М.М. Герасимовым при раскопках Мальты. Ее исполненные купулами спиральные «узоры» восприняты К. Хентце частями изображения «лунного идола» и символами эволюций фаз Луны

ция фаз Луны». В выступах на скульптурах, которые представляли собой изображения голов змей, он усмотрел намеки на фаллический и лунный культы. Идея о связи в представлениях многих народов древности змеи с Луной и культом предков подкреплялась К. Хентце широким анализом этнографических и археологических изделий, а также примечательных по облику древнекитайских пиктограмм. Поскольку в итоге каппадокийские «идолы» оказались по всем изобразительным параметрам семантики деталей «лунными по характеру», то и кружки, простейшие из орнаментальных мотивов скульптур, должны были, по мнению К. Хентце, «иметь смысл, связанный со смыслом самого идола». Отсюда следовало, что купулы, высверленные на поверхности мальтинской пластины из бивня мамонта, тоже представляли собой лунные знаки или символы.

Такое заключение ему удалось усилить результатами анализа семантики концентрических кругов, двойных спиралей и волн, а также изображений рогов в композициях, характерных для образцов первобытного искусства. Лунки на мальтинской пластине составляли древнейший узор из простых и двойных спиралей. Но простые спирали, как и концентрические круги, традиционно оценивались ин-

терпретаторами искусства как солнечные символы. К. Хентце, соглашаясь в принципе с такой трактовкой, все же предположил, что в истоках подобные фигуры были, по всей видимости, лунными символами. Что касается собственно семантики спиралей и концентрических кругов, то они содержали, по его мнению, сложный комплекс ассоциативных связей с Луной, ее ростом и убыванием, с водой и плодородием, а также с культом предков и верованиями в загробную жизнь. В целом мальтинскую пластину он оценил как ритуальное изделие, связанное с многозначительной и многогранной лунной семантикой и символикой. Анализ возможной семантики всех «орнаментальных элементов», запечатленных на обеих сторонах мальтинской пластины, позволил ему при общей интерпретации назначения этого образца искусства и его смысла прийти к следующему, поразительному по проникновенности выводу, который оставался до конца XX века в пренебрежении и забвении: *«по нашему мнению, это лунный идол».*

Подводя итог краткого обзора идей К. Хентце по интерпретации лунных символов в древнем искусстве, можно констатировать, что в основу его метода расшифровки семантики как символических (орнаментальных) знаков, так и распознаваемых образов, реалистических или стилизованных, был положен принцип наложения на то или дру-

гое подходящих аналогий из набора соответствующих сюжетов мировой этнографии и мифологии. В результате он пришел к выводу, что простые и двойные спирали, как и концентрические круги, а также змеи в классических вариациях, зафиксированные, в частности, на мальтинской пластине, представляют собой символы не только солнечные, но в истоках – скорее лунные. Они, по его мнению, в идеальной по наглядности форме отражали идею полного цикла эволюций фаз ночного светила, т.е. последовательного и непрерывно повторяемого процесса роста и убывания, а затем снова роста диска Луны. Важно, что К. Хентце обосновал свои заключения ранее, чем кто-либо, подсчетом элементов «узоров», сопоставляя их с количеством суток в лунном месячном цикле. Этот прием числового обоснования интерпретаций стал у астроархеологов второй половины XX в. основополагающим в прочтениях знаковых записей художественного наследия всех культур Старого Света от нижнего палеолита до Средневековья.

В эту орбиту входили и культуры периферийных зон Евразии, самого протяженного из континентов Старого Света – приполярная Гиперборея Европы и Сибири.

Рис. 23. В.И. Равдоникас

В.И. Равдоникас и его идеи отражения в древнем искусстве космических, солярно-лунного характера представлений. Критика «механистических» трактовок наскальных изображений и призыв покончить с ними и перейти к доказательным интерпретациям астроархеологической ориентации. Владислав Иосифович Равдоникас – самая интеллектуально яркая личность отечественной археологии тридцатых и сороковых годов XX в., когда проходило становление ее в академическом статусе отрасли истории (рис. 23). Он, не без сложностей характера человек, неординарный мыслитель, блестящий ученый и вдохновенный оратор, организатор масштабных археологических исследований в границах всей России от берегов Балтики и Черного моря на западе и до тихоокеанского побережья Сибири на востоке, был ответственен за полевые работы и в смутные для страны времена второй половины тридцатых годов, и в тяжелые послевоенные годы второй половины сороковых как руководитель Института истории материальной культуры. В.И. Равдоникас, теоретик проблем первобытного общества, талантливый методист, методолог и практик изучения памятников неолита, палеометалла и Средневековья, педагог-новатор (более 10 лет заведовал кафедрой археологии исторического факультета Ленинградского университета), известен как на редкость удачливый первооткрыватель святилищ с наскальными изображениями Карелии, организатор копирования, описания и оперативной публикации их, а главное, – как *страстно увлеченный интерпретатор знаков и образов первобытного художественного творчества постпалеолитической эпохи, чуждый изложения банальностей.*

Опередившие свое время семантические реконструкции В.И. Равдоникаса и его оригинальные установки в сфере общего искусствознания, сохранившие свою силу и актуальность доселе, дают мне повод обратиться к теме методов интерпретаций древнего искусства. Первое и третье десятилетия прошлого века ознаменовались в археологическом искусствоведении России выходом в свет нескольких фундаментального характера трудов по первобытному искусству (Савенков, 1910; Гуцин, 1937). Среди них особо важное место занимают

монографии В.И. Равдоникаса, посвященные результатам изучения наскальных изображений каменного века Приладожья и Беломорья (Равдоникас, 1936; 1938), и две журнальные статьи с информативно емкими семантическими оценками знаков, символов, зооантропоморфных образов и многофигурных композиций (Равдоникас, 1937а и б). Чтобы по достоинству оценить значительность осуществленных В.И. Равдоникасом в 30-е годы изысканий, достаточно выяснить, насколько продвинулось вперед главное, но сложно исполнимое в исследованиях искусства первобытных эпох – *разработка вопроса о том, какой была стержневая информационная составляющая художественного творчества и какую цель преследовали в подобного рода деятельности интеллектуального и духовного плана приозерные и поморские охотники, рыболовы и собиратели древней Карелии.*

При непредвзятом исполнении такого историкографического проекта каждый мог бы воочию убедиться в стойких пристрастиях авторов к сочинению ремейков по мотивам итоговых размышлений В.И. Равдоникаса относительно актуальных доселе искусствоведческих тем. Сочиненное предшественниками и «преемниками» его не могло быть иным при использовании только лишь стародавней методики раскрытия семантики образов археологического искусства посредством дотошного подбора, бесконечных переборов, классификаций, сопоставлений и сравнений со скудным набором одних и тех же этнографо-мифологических, эпосных и прочего вида аналогов (см., для примера, Гурина, 1967; Лаушкин, 1959; 1962; Линевский, 1957; Саватеев, 1990; Фараджев, 2002; Жульников, 2006). Причем делалось все это обычно без предъявления доказательств оправданности традиционных приемов интерпретаций художественных объектов культур, *разведенных временем на тысячелетия, а пространством – на многие сотни, а то и тысячи километров.* Что касается общетеоретических работ, то они часто оказывались, на поверку, бесполезными для подкрепления соответствующих умозаключений (вследствие слишком универсального их, тех работ, характера). Ведь требовалось-то совсем иное – объяснение не универсалий, а конкретностей, часто уникальных.

Раскрытие информационного контекста образов первобытного искусства определялось убежденностью В.И. Равдоникаса в том, что по технике исполнения на каменных плоскостях и по стилистическим особенностям рисунки времени неолита Приладожья и Беломорья, как и соседней Скандинавии, представляют собой *свидетельство поразительной устойчивости художественных традиций монументального пещерного искусства, а также искусства малых форм культур эпохи древнекаменного века южных регионов Европы.* Его подвигла к такому выводу осведомленность о ходе изучения палеолитического искусства во Франции (публикации С. Рейнака, А. Брейля, А. Бегуэна) и Германии (обобщающие монографии Г. Кюна), а также результаты анализа искусства ледниковой эпохи соотечественника А.С. Гущина, изложенные в книге «Происхождение искусства» (1937), лучше, пожалуй, до сих пор издания, посвященном столь сложной проблеме. В.И. Равдоникас, отметив «реалистический или полуреалистический [*«поразительный по своей ху-*

дожественной силе»] стиль изображений диких животных» культур неолита и бронзы Карелии, а также севера Скандинавии, заявил о невозможности отрицать общей основы и даже генетической связи их с «реалистическими изображениями» палеолитическим человеком окружавшей его фауны (здесь и далее цитируется Равдоникас, 1937а). Такое сходство искусства неолита северной окраины Европы с искусством палеолита юга континента порождало вопросы, требующие конкретных ответов. В.И. Равдоникаса не удовлетворили традиционные объяснения, суть которых сводилась к туманного смысла рассуждениям о застойности и консерватизме непродвинутого характера экономики, примитивности уклада жизни и быта, а с ними, соответственно, *архаичности мировоззренческих, а также идеологических установок* неолитических обитателей севера Скандинавии и Карелии. Подобные выводы лишь констатировали очевидный факт сохранения («переживания») в обществе новой культурной и природно-климатической эпохи черт отсталости, присущих культуре и обществу, отошедшим в прошлое на тысячелетия, *ничего, однако, не объясняющий по существу проблемы сходства художественного творчества того и другого времени*. В.И. Равдоникас предложил решение «огромной и трудной задачи проникновения в область первобытного мышления» посредством более глубокого, чем это делалось искусствоведами ранее, анализа информационной составляющей наскального искусства северной Европы и призвал делать это с учетом как «социальных корней семантики образов», так и уровня развития первобытного мышления охотника, рыболова и собирателя древнекаменного и новокаменного веков.

В.И. Равдоникас сочувственно изложил концепцию С. Рейнака, А. Брейля, А. Бегуэна и Г. Кюна о *магической функции* палеолитических изображений животных и согласился с принципиальной возможностью отражения той же идеи в зооморфных фигурах, выбитых на скалах Скандинавии и Карелии ради обеспечения удачной охоты [*«магический способ привлечения добычи» к местам промысла*], для размножения полезных для человека видов [*«магия плодородия»*], что можно было оценить как подтверждение гипотезы наличия у неолитического охотника «элементов магического мышления». Но он одновременно призвал исследователей наскального искусства, которые пытались интерпретировать образы его, не удовлетворяться изложением этого, «в сущности, чрезвычайно общего и уже достаточно истертого положения», не ограничиваться при семантических истолкованиях и реконструкциях безликими ссылками «на магию вообще», избегая стремления свершить главное в интерпретационном изыскании – «попытаться раскрыть конкретные формы магического мышления» неолитического охотника и рыболова. А начать нужно, советовал В.И. Равдоникас, с критического восприятия широко распространенного представления о том, что в эпоху первобытности господствовало «чисто магическое мышление», отсутствовал культ поклонения силам и явлениям природы, которые человек будто бы играючи, но бездумно (неосознанно) подчинял посредством исполнения неких магических обрядов и проговора колдовских заклинаний. Учитывая преобладание среди изображений на скалах тех существ из животного мира, которые уж никак не могли играть значительной роли в

промысле для обеспечения сообщества продовольствием ради выживания (лебеди, ящерицы, змеи и т.п.), нужно было пытаться отыскать мотивы увязывания образов отнюдь не с всеобъемлющей магией плодородия и охоты, а с каким-то иным информационным контекстом.

В этой связи В.И. Равдоникас высказал, основываясь на этнографо-мифологических аналогиях из мира современных маргинальных (отставших в развитии) сообществ, идею об отражении в них не чистой магии, а куда более сложных представлений – тотемических, но с акцентацией на космические, связанные с космогоническими и космологическими мифологиями, «порождениями общественного мышления матриархально-родовой эпохи». Для доказательства этой идеи (в основу ее были положены «характерные особенности мышления» древних охотников») В.И. Равдоникас привлек «ранее [археологами] непонятые изображения», а им расшифрованные как синкретичные, фантастического обличья фигуры с зоо- и антропоморфными деталями тел (для примера: у персонажа голова – рогатого животного, а туловище и конечности – человека). Сравнив их с такими же по виду «комбинированными образами» палеолитического искусства, он не согласился с толкованиями нереальных (фантастических) творений природы как следствия неумения первобытного художника адекватно отразить действительность (невольное, по каноническому стандарту, придание человеку черт животных, основных персон своего творчества), малопонятной склонности его к насмешливому (карикатурному) воспроизведению самого себя и своих «меньших собратьев» и, наконец, все того же, «всеобъясняющего» – как последствия господства в мышлении предка магических представлений (вера в действенность т.н. имитативной магии: замаскированные под животных охотники исполняют магический танец с прагматической целью «усилить воспроизводство животных, обрести власть над ними и обеспечить наибольшую удачу промысловых предприятий»).

В.И. Равдоникас, к месту цитируя саркастичного К. Маркса, справедливо усмотрел в перечисленном стремление интерпретаторов первобытного искусства найти без трудоемких хлопот и напряжений ума «универсальную отмычку к некоей общей историко-философской теории, объясняющей сразу все», но в действительности ничего не объясняющей. Он предлагал совсем иное: попытаться осознать, что «полноценный ключ для расшифровки образов древнего искусства» скрыт в «конкретных фактах первобытного мышления, в чем бы оно ни проявлялось» – в искусстве ли, языке, фольклоре или мифологии. Перспективным ему виделось следующее: детально исследовать обычай маскировки людей под животных у разных народов, чтобы стал, наконец, понятным сам генезис этого явления, и, «избегая поспешных обобщений», попытаться выяснить – не вторичное ли оно, явление то, т.е. не представляет ли исполнитель маскарадного танца персонаж идеологии, не связанной с имитативной магией?

Ответ последовал такой: полуживотные-получеловеческие существа, которые появились давно (в искусстве палеолита) и далее наличествуют в том же обличье в искусстве последующих эпох первобытности, есть персонажи мистические, отражающие представления древних о т.н. тотеме, предке-

родоначальнике «Времени Она» объединенных родственными узлами людей, *живой синкретичный символ их единства, наглядное отражение закона партиципации, сопричастия и тесного общения*, когда каждый член общества ощущал себя перевоплощением и тождеством первопредка, «не умирающей частицей духа его», *существа незапамятной («мифической») давности времен*. В.И. Равдоникас характеризовал тотемы не просто в качестве «духов – покровителей племени или рода», а, конкретизируя тотемизм, рассматривал его «как явление идеологическое, зарождающееся и развивающееся в условиях материнского рода».

Но главная заслуга В.И. Равдоникаса в искусствоведении неолита заключается не только в изложенном выше. Он в своих исследованиях сделал акцент на анализ нового в мировоззрении жречества культур той поры, что ему удалось усмотреть в информационной составляющей рисунков, которые отличались по стилю и характерным деталям фигур от того, что изображалось на скальных поверхностях ранее. Помимо того, В.И. Равдоникас впервые на высоком уровне руководства академической гуманитарии 30-х годов высказал убеждение в неприемлемости (грубой ошибочности) проклятия археологии – беспределов вещизма, типологизации и классификаторства, а в наскальном искусстве – традиционного восприятия сюжетного плана композиций в качестве *картинно точного отражения (подлинных зарисовок с натуры)* бытовых, обрядовых и производственных событий повседневья жизни охотников и рыбаков каменного века, а также эпизодов из жизни животных (осенний гон промысловых зверей, сезонные перекочевки их и т.п.). Требовался, между тем, *конкретный анализ образов, а не «механистическое понимание» изображенного*, истолкование же соответствующих композиций, «чтобы не быть произвольным», должно непременно сопровождаться *предъявлением убедительных доказательств* (здесь и далее цитируется Равдоникас, 1937б). Непонимание интерпретатором древнего рисунка В.И. Равдоникаса объяснял *ошибочностью подхода археолога к «первобытному, качественно глубоко своеобразному мышлению с его особыми нормами»* с использованием мерок современного мышления. Тупиков в семантических реконструкциях можно избежать, лишь поняв, «*каким было первобытное мышление в действительности*», для чего следовало «открыть его законы», а уж затем, с учетом понятого, заниматься расшифровкой фигур и составленных из них композиций.

Таковыми были общетеоретическая и концептуальная установки, которыми руководствовался В.И. Равдоникас на практике, приступая к переосценке предложенных ранее отечественными археологами «прочтений» наскальных рисунков Карелии. Для этого он обратился к самому сложному сюжету – выяснению *смысла фигур символических, «утративших свой реалистический стиль», «вытесняющих»* старое представление новыми, которые «переоформляли их содержание». Речь идет об изображениях разного вида кругов и месяцевиных фигур с отходящими от них линиями. Выразив изумление, что таковые принято воспринимать в качестве производственного и прочего назначения инвентаря (капкан, циркуль, зеркало и т.д.), В.И. Равдоникас *усмотрел в них «космическую, солярную и*

лунарную семантику», «космического содержания» обозначения неба, а также светил – Солнца и Луны с «их дериватами» (лучами). То были, возможно, и *рисунки культовых предметов, символизирующих то же самое* (они могли использоваться при исполнении соответствующих церемоний обрядового характера). Отсюда последовал естественный вывод о появлении в мировоззрении исполнителей наскальных изображений космических, а именно – *солярного и лунарного характера представлений*, а также идей о трех структурах мира – верхнем (небесном), среднем (земном) и нижнем (преисподней). С космическими атрибутами стали изображаться теперь как разного вида животные (олень, лебедь), так и тотемные предки – зооантропоморфные существа. Они, тем самым, обретали «усложненное содержание... с противоречивой, двойственной и даже тройственной природой», включенной в контекст всеохватного Космоса (рис. 24). То были *животно-антропоморфные, космической содержательности тотемы*. Поскольку такого рода существа сопровождалась, порой, изображениями змей, символами Нижнего мира, то В.И. Равдоникас сделал исключительной важности интерпретационное заключение – *центральная идея столь примечательной композиции есть «сюжет борьбы двух начал – света и мрака, тепла и холода, добра и зла*. Животно-космический, с антропоморфным ядром тотем демонстрировался в роли победителя, очевидно, с целью магического предопределения победы света над мраком и добра над злом».

В.И. Равдоникас имел полное право на иронию при сравнении своих интерпретаций солярных символов с тем, что предлагалось: «изображение хищника, попавшего в капкан», «изображение капканов, свидетельствующих о распространенном способе охоты» и т.п. Не лучше было (да и сейчас остается) с оценками рисунков лодок. Если для тех же авторов они представляли реальное (т.е. просто *выписанное художником с натуры*) средство «охоты с лодок на лосей во время их переправы через воду» или «охоту с лодок на оленей» и т.д., то для В.И. Равдоникаса лодка карельских скал была знаком космическим, символом «*первобытно-космических представлений*», отражением «*религиозных верований*», связанных с культом мертвых и воззрениями на загробную преисподнюю. В итоге ему, переполненному досадой на столь примитивные истолкования, пришлось вынести им суровый приговор,

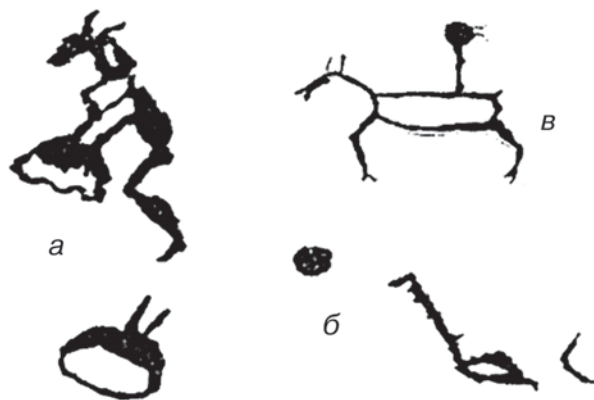

Рис. 24. Наскальные изображения зооантропоморфа, животных и светил – Луны и Солнца. Северо-запад Европейской России (по В.И. Равдоникасу)

принципиально важный для продвижения науки вперед, – «полагаем, что с легендой о капканах, как и вообще с механистической трактовкой наскальных изображений, необходимо покончить».

Предваряя возражение оппонентов о невозможности увязывания солярного культа с обществом не земледельческим, как принято было считать, а охотничье-рыболовческим, В.И. Равдоникас обратил внимание на то, что лежащее в основе космического мировоззрения «осознание в ложной анимистической форме производственного значения плодоносящих сил и сезонных явлений в природе света и тепла, смены зимы и лета и осознание человека зависимости от них» в той же мере, как и земледельцам, были присущи охотникам, рыболовам, собирателям и оленеводам. Поскольку экономика их отличалась высокой организованностью и если она обеспечивала им выживание, то, надо полагать, охотники и рыболовы имели «своего рода годовой производственный план, точно рассчитанный по календарю». Это обстоятельство и стало, по его мнению, причиной возникновения «в коллективном первобытном сознании культового космического мировоззрения как формы осознания зависимости человека от природы, как совокупность его ложных представлений о ней...»

Казалось бы, все ясно и дело осталось только за тем, чтобы разработать далее столь интересную мировоззренческую плана концепцию, углубляя и детализируя ее посредством привлечения новых фактов и подключения нетрадиционных методов интерпретаций. Этого, однако, не случилось. Первобытное искусствоведение ушло, поддаваясь, видимо, общему умиротворяющему настрою, во все то же унылое, лишенное смысла описательство, типологизацию и классификаторство, в бесконечные стилистико-хронологические разборки, в мудреное технологическое колдовство по части методов копирования и т.п., а интерпретации, между тем, продолжали определять бригады исследователей, олицетворяющих зачастую кондовое ученое ретроградство. Это как раз то, с чем В.И. Равдоникас призывал «покончить», называя подобные псевдоученые упражнения авторитетов «механистической трактовкой».

В.И. Равдоникас оставил, однако, неразработанной самую, пожалуй, блестящую из своих идей – осознание охотниками и рыболовами севера Европы зависимости своей от «производственного значения плодоносящих сил и сезонных явлений в природе», не предоставив доказательств наличия у них календарей, «не уступающих по своей сущности земледельческим календарям, от которых ведет происхождение и календарь, принятый в настоящее время», отчего осталась всего лишь гипотезой его верная мысль о возникновении космического мировоззрения «при различных ведущих формах производства», в том числе базирующихся на охоте и рыболовстве (Равдоникас, 1937б, с. 31). Осталось под сомнением и его утверждение, что охотники и оленеводы Карелии свой «годовой производственный план строили» по календарю сезонных явлений природы – «в такой то месяц надо охотиться такими приемами, а в такой-то – другими; с наступлением весны – начинается массовый лов рыбы; в конце лета рыба ловится иначе, зимой еще иначе» (Равдоникас, там же).

Сказано все это вовсе не в упрек ему, ибо для должного обоснования упомянутых идей и утверж-

дений их в археологии требовалось разработка соответствующей методики анализа наскальных изображений при восприятии их своеобразным знаково-образным «текстом», подлежащем расшифровке и «прочтению» (разъяснению скрытого (потайного, для избранных) информационного контекста). Такая методика появилась лишь во второй половине прошлого века...

На этом прерву изложение первых страниц начала становления «непопулярной научной традиции» – проведения астроархеологической («космической») ориентации исследований в области первобытных древностей.

Краткий итог историографического поиска.

Допустимый объем предисловия не позволяет рассмотреть в деталях последующий ход взаимоотношений астроархеологов с приверженцами традиционной археологии. Скажу лишь, что «отверженным» приходилось часто публиковать результаты исследований на страницах специализированных астрономических журналов. Коренной перелом в дискуссиях все же в конечном счете произошел, но его на Западе предопределили не исследования, положим, А. Уоткинса (Watkins, 1925), К. Ньюэма (Newham, 1964; 1972) и, в особенности, А. Тома (Thom, 1967; 1971), а компьютер, в который астроном Дж. Хокинс ввел сведения, связанные с астрономическими аспектами Стоунхенджа (Hawkins, 1963; 1964; замечу, что первая статья напечатана была на страницах «Nature», детища Дж. Локьера, надо думать, опять без консультаций с археологами; подробности см. G.S. Hawkins, J.D. White, 1966). Электронно-счетная машина через несколько минут работы подтвердила правоту идей Дж. Локьера и его последователей, которые потратили на бесполезные споры с вещеведами около 75 лет. Вердикт компьютера был такой: этот памятник неолита и бронзового века Северной Европы (приблизительно начала III тыс. до н.э.) следует воспринимать не только самым величественным храмом Англии, но и древнейшей обсерваторией Европы, структуры которой позволяли отслеживать циклы движения Луны и Солнца, а также рассчитывать время наступления затмений (Hoyle, 1966; опять публикация в «Nature», думаю, вне консультаций с археологами, которые от такого сюжета погрузились бы в прострацию). Внешне капитулируя под натиском «электронных аргументов», археологи остались верны себе до конца в недоверии к людям. Ведь они восприняли доводы вовсе не астроархеологов, а компьютера, полагая, наверное, что машина эта работает сама по себе, вне воли исследователя, составителя соответствующих календарно-астрономических программ.

Перелом при этом задел лишь сообщество западных археологов, да и то отчасти, что проявилось, в основном лишь в некотором охлаждении их критического пыла. Между тем традиционная археология России продолжает донине держать глухую оборону, игнорируя палеоастрономию, палеокалендаристику и астроархеологию. Тут по-прежнему предпочитают оставаться в Стране слепых, как бы заново проигрывая «старую грампластинку» – события начала XX в., когда Дж. Локьер по своей неосторожности задал «несколько вопросов», «неудобных» для археологов, безуспешно пытаясь ввести их в «круг понятий» астрономии и календаристики. Такие «понятия» остаются пока вне круга интересов и подавляю-

щего большинства сибирских археологов, которые, перепуганно оглядываясь на столичных авторитетов, оценивают факты точных наук как «совпадения случайностей», поневоле вызывая в памяти остроумную реплику одного сведущего в небесной науке исследователя: «если точность астрономической ориентации [археологического памятника] достигнута благодаря случайности, то надо сказать, счастливая случайность посещает лишь тех, кто хорошо к ней подготовлен» (см.: Заморовский, 1981). Нежелание же готовиться к восприятию «случайности» (что означает нежелание начать освоение азов астрономии, геодезии и календаристики) оставляет за бортом сибирской археологии фундаментальной значимости информацию о протонауке и мировоззрении предков, сокрытую в структурах святилищ и могильников, поселений, городищ, крепостей и храмов. Такая позиция оставляет археологический поиск в границах унылых круговертей классификационной карусели да общего плана культурологических разговоров и «придумок», никого ни к чему не обязывающих.

В итоге на каждом шагу приходится сталкиваться с постулатами обитателей Страны слепых Г. Уэллса. Если, положим, археолог объявляет об открытии в Сибири новой культуры (особо счастливый миг в жизни любого «первобытника»), то может показаться, что он тем самым без обиняков демонстрирует свою убежденность в наличии у представителей выделенной им культуры упорядоченных счетчиков времени (календарей), дерзко свидетельствует о высоком уровне их познаний в астрономии, смело, не оглядываясь на авторитеты, провозглашает сложность духовной сферы жизни архаического сообщества (астральный характер религии). Ведь ясно, кажется, – культура не есть культура, если ее творцы понятия не имеют ни о времени, ни о пространстве, ни об устройении мироздания. Курьез, однако, заключается в том, что, как свидетельствует опыт, очередной культуротворец вовсе не убежден в сказанном. Более того, он зачастую не задумывается о подобном следствии своего открытия, что позволяет заподозрить его в приверженности совсем иному канону – *первобытного облика культура может существовать и тогда, когда создатели ее пребывают в младенчески-зверином состоянии вневременного и внепространственного бытия.*

Такое утверждение может показаться кому-то надуманным. Однако его подлинность легко подтвердить многими примерами реакции представителей типологизаторской археологии на доклады и статьи астроархеологов Сибири, посвященные астрономическим и календарным знаниям эпохи первобытности. Эти реакции, порождающие поток отрицательных отзывов, блокирующих публикации и финансирование исследований, а порой и защиты диссертаций в ученых советах, всегда на удивление однозначны – *воинственно-злое неприятие ус-*

лышанного и прочитанного под предлогом самоочевидной абсурдности излагаемого. При «мягком» же варианте дискуссий начинаются разговоры о «неубедительности аргументов», о субъективности восприятия объекта изучения, в частности, знаковых записей, совмещенных с образом искусства. И это говорится при том, что астроархеолог предъявляет вещисту от искусства факты и аргументы предельно весомые для гуманитарных умозаключений – числа, опровергнуть силу которых невозможно.

В сложившейся ситуации возможны лишь два варианта достижения согласия между приверженцами археологических полярностей – интеллектуализма и вещизма. Первый – оптимальный и предельно простой: прислушаться, наконец, к вековой давности совету великого Джозефа Нормана Локьера, «отца-основателя» полевой астроархеологии, о *желательности познания археологами азов астрономии.* А случись, по счастью, такое, все сомнения разрешились бы сами собой, ибо всякому естествоиспытателю понятно, что *календарно-астрономические числа может воспринять в качестве аргументов лишь тот, кто хоть чуть осведомлен в астрономии.*

Поскольку же, как свидетельствует история отечественной археологии, с освоением астрономии у нас вот уже более столетия все как-то не получается (даже в пределах скромных – на «чуть-чуть»), то остается избрать второй, околный и затяжной для достижения прогресса путь: терпеливо преодолевая неприязнь поклонников типологизаторской археологии, продолжать разработку исследовательской программы поиска доказательств постижения тайн природы и самого человека представителями любой культуры, любого времени и во всех без исключения местах обитания предка, будь то Старый или Новый Свет. Всеобщность проявления в древних культурах, в том числе сибирских, одного и того же – отчетливых признаков внимания предка к небу, светилам, времени и пространству – способна убедить (хочется на то надеяться) даже самого истового приверженца идеи существования разумного человека в безвременье и вне пространства. Возможно, тогда, приступая к очередному формулированию зачатого в неопределенности понятия «археологическая культура», склонный к теоретизированию классификатор «материальных ценностей» включит в перечень основополагающих признаков этого явления *осознание древним человеком пространственно-временных категорий.* Но для этого самому археологу придется для начала осознать эти категории (для авторитетов – «понятия»), *подтягиваясь к уровню знаний предка, объекта своего интереса.*

Вот тогда-то археолог-традиционалист обретет, счастливо прозрев, законный вид на жительство в Стране зрячих, где благоговейно чтут астроархеологию, воспринимая ее *фундаментально значимой научной традицией.*

В. Ларичев

ЛИТЕРАТУРА

Гурина Н.Н. Миф глазами древнего художника Карелии. Л., 1967.

Гущин А.С. Происхождение искусства. Л.-М., 1937.

Евсюков В.В., Ларичев В.Е. Карл Хентце – исследователь древних культур Азии // Каменный век

Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск, 1985. С. 114–124.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии. Петрозаводск, 2006.

Ларичев В.Е. Календарная пластина Мальты и проблема интерпретации образов первобытного ху-

- дожественного творчества // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1985. С. 74–104.
- Ларичев В.Е. Колесо Времени. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1986. 174 с.
- Ларичев В.Е. Мудрость Змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1989. 271 с.
- Ларичев В.Е. Лунные и солнечные календари древнекаменного века // Календарь в культуре народов Мира. М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. С. 38–69.
- Ларичев В.Е. Заря астрологии: Зодиак тропиков, Луна, Солнце и «блуждающие звезды». Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 1999. 318 с.
- Ларичев В.Е. Первые образцы искусства малых форм древнекаменного века Центральной Азии (принципы выявления нестандартных объектов художественного творчества и семантика образов) // Деревянко А.П. и др. Палеолит восточных предгорий Арц-Богдо. Новосибирск, 2001.
- Ларичев В.Е. П.А. Путятин – учредитель астрономической археологии (к истории начала поиска истоков естественно-научных знаний в культурах каменного века) // Вестник Российской Академии естественных наук. Западно-Сибирское отделение. Вып. 6, 2004.
- Лаушкин К.Д. Онежское святилище. Ч. I // Скандинавский сборник. Т. 4. Тарту, 1959.
- Лаушкин К.Д. Онежское святилище. Ч. II // Скандинавский сборник. Т. 5. Тарту, 1962.
- Линевский А.М. Очерки истории Карелии. Т. I. Петрозаводск, 1957.
- Мельников В.Л. Князь Павел Арсеньевич Путятин и его Бологовская усадьба. СПб. – Вышний Волочёк, 2000. 71 с.
- Мельников В.Л. Предтеча российской астроархеологии князь П.А. Путятин и семья Рерихов // История и культура востока Азии. Новосибирск, 2002. С. 196–202.
- Путятин П.А. Доклад в Археологическом обществе о раскопках на Бологовском мысу. 1882. Хранится в Рукописном архиве Института истории материальной культуры, ф. 15, № 6. 24 л.
- Путятин П.А. Раскопки летом 1885 г. на восточном берегу Бологовского озера. Сообщение на заседании отделения русской и славянской археологии Императорского русского Археологического общества 10 декабря 1885 г. // Записки ОРСА ИРАО, т. IV, с. IX–X. 1887.
- Путятин П.А. Об изображении созвездия Большой Медведицы на точилке каменного периода // Записки Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Русского археологического общества, 1887, т. IV. С. XIV–XV.
- Путятин П.А. Из области астрономической археологии. Изображение созвездия Большой Медведицы на точилке каменного периода. Рукопись. 1886 г. Хранится в архиве Института истории материальной культуры, ф. 3, № 557. Подробности см. Мельников В.Л. Князь Павел Арсеньевич Путятин и его Бологовская усадьба. СПб – Вышний Волочёк, 2000.
- Равдоникас В.И. Наскальные изображения Онежского озера. М.-Л., 1936.
- Равдоникас В.И. Следы тотемических представлений в образах наскальных изображений Онежского озера и Белого моря // Советская археология, 1937а. № 3.
- Равдоникас В.И. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений // Советская археология, 1937б. № 4.
- Равдоникас В.И. Наскальные изображения Белого моря. М.-Л., 1938.
- Савватеев Ю.А. Каменная летопись Карелии. Петроглифы Онежского озера и Белого моря. Петрозаводск, 1990.
- Савенков И.Т. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее. Сравнительные археолого-этнографические очерки // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове в 1908 г. Т. I. М., 1910.
- Фараджев А.А. Контекстуальное направление в изучении наскального искусства Карелии // Вестник Карельского государственного краеведческого музея. Вып. 4. Петрозаводск, 2002.
- Фламарион К. История Неба. М.: печатается по изданию СПб., 1875 г. 1994. 447 с.
- Baudouin M. La Préhistoire des Étoiles: Les Pléiades au Néolithique // Bulletin et Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 2 mars 1916a. P. 25–203.
- Baudouin M. La Préhistoire des Étoiles au Paléolithique. Les Pléiades a L'Epoque Aurignacienne et Le Cuete Stello-Solaire Tipique au Solutréen // Bulletin et Memoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 21 décembre 1916b. P. 276–317. Отдельный оттиск.
- Baudouin M. La Préhistoire de la Grande Ourse a la Pierre Polie // Bulletin de la Société Astronomique de France. Avril-mai, 1922. P. 3–22. Отдельный оттиск.
- Baudouin M. La Premhistoire par les Etoiles. Un Chronomètre Préhistorique. Paris, 1926. 331 p.
- Baudouin M. La Grande Ourse au Paléolithique // Phare de Nemtes. 19 oct. 1931.
- Boucher de Perthes. Antiquités Celtiques et Antédiluviennes. V. 1–3. Paris, 1847–1864.
- Boucher de Perthes. Voyage en Russie, 1856. Paris, 1859.
- Hawkins G.S. Stonehenge Decoded // Nature, 1963, № 200. P. 306–308.
- Hawkins G.S. Stonehenge: a Neolithic Computer // Nature, 1964, № 202. P. 1258–1261.
- Hawkins G.S., J.B. White. Stonehenge Decoded. London, 1966.
- Hoyle F. Stonehenge – an eclipse predictor // Nature, 1966, № 211. P. 454–456.
- Hentze K. Mythes et Symboles Lunaires. Anvers, 1932.
- Lartet E., H. Christy. Reliquiae Aquitanicae. London, 1875. 506 p.
- Lockyer, J.N. The Dawn of Astronomy. London, 1894. Переиздано в 1964 г.
- Lockyer J.N. Stonehenge and Other British Stone Monuments. London, 1909a.
- Lockyer J.N. Surveying for Archaeologist. London, 1909. 120 p.
- Marshack, A. The Roots of Civilization. The Cognitive Beginnings of Man's First Art, Symbol and Notation. New York, 1991.
- Michell, J. A Little History of Astroarcheology. Stages in the Transformation of Heresy. London, 1977.
- Newham C.A. The Enigma of Stonehenge. Leeds, 1964.
- Newham C.A. The Astronomical significance of Stonehenge. Leeds, 1972.
- Porkert M. Carl Hentze (1883–1975) // Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Bd. 128, H. 1, 1978.
- Poutiatinn, P., Flammarion, C. Archéologie Astronomique // L'Astronomie. Paris, 1885, № 2.
- Thom A. Megalithic Lunar Observatories. Oxford, 1971.
- Thom A. Megalithic Sites in Britain. Oxford, 1967.
- Watkins A. The Old Straight Track. London, 1925.

**«СУНДУКИ» – ВЕЛИКИЙ САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР СЕВЕРНОЙ ХАКАСИИ
(мифологическое, эпосное и естественно-научное в культовых памятниках древних
культур юга Сибири, совмещенных с творениями природы)**

Вводные замечания. На сотни тысячелетий в прошлое уходят первые попытки выдающихся умов архаических сообществ выйти за пределы решения рутинных проблем повседневной жизни соплеменников в территориально ограниченном пространстве их хозяйственного бытия. Они, полагая, достаточно рано (со времени древнекаменного века!) начали проявлять любопытство относительно «мира земного», скрытого от глаз горизонтом, и «мира верхнего», который куполом возвышался над самыми дальними из доступных обозрению краями Земли, налегая на них по всему периметру. Если заглянуть за горизонт люди могли относительно легко, совершая, допустим, охотничьи походы в любую точку округи, где земля «соединялась» с небом, то странствия в просторах «Верхнего мира» были, кажется, заказаны им навсегда. Ведь там отсутствовала опора для ног, а крыльями они не обладали, чтобы, уподобясь птицам, совершать перелеты над землей и в сторону божественной красоты светил.

Нельзя утверждать с уверенностью, что лишь любопытство узнать, «что там, за горизонтом», привело предка к расселению по всем континентам сначала Старого, а затем и Нового Света. Археологи констатируют, однако, как неоспоримое факт поразительный – проникновения людей древнекаменного века уже стадии т.н. обезьянолюдей, архантропов (*Homo erectus*) и палеоантропов (*Homo neanderthalensis*), в северные пределы Европы, в Центральную Азию и на север Восточной Азии (если не далее – в Сибирь), а также на юг. Чем бы, однако, ни определялись масштабные миграции предка по необъятным просторам земли, он, наверное, никогда не переставал любопытствовать относительно недоступностей «Мира верхнего» (в частности, мечтал, быть может, понять явления, связанные с перемещениями в пространствах его Луны и Солнца). Это как раз и стало недавно вторым, столь же неоспоримым, как и первый, но еще более впечатляющим фактом. Желание такое подтвердило в конце прошлого века открытие объектов с числовыми «записями» течения времени, основанными на отслеживании изменений фаз ночного светила за период, составляющий три десятидневки (Mania D. и J. Mania, 1988; Ларичев, 2006). Древность таких «записей» на поверхностях костей вымерших животных восходила к неправдоподобно (согласно старым канонам) раннему рубежу истории человечества – ≈ 350–400 000 лет от наших дней.

Столь фундаментально значимое в истории человечества культурно-интеллектуальное событие стало следствием не только того, что предок «недосягаемое для ног» сподобился превратить в объект интереса любознательных глаз. Со временем он сделал небо доступным еще одному средству проникновения в сферу физически недостижимого. Речь идет о мозге, сформированном за миллионы лет эволюции и постепенного расширения земного кругозора «формирующихся людей», питекантропов и неандертальцев. То был уникальный в живой природе инструмент осмысленного овла-

дения тем, что во всей совокупности явлений называется ныне «окружающей человека действительностью» (средой обитания). Мышление, неосоздаваемый и неосязаемый продукт работы мозга, стало тем, что, помимо прочего, щедро питало нечто отстраненное от реальной действительности, – воображение и фантазию предка. Все это вместе взятое позволяло ему, как теперь модно говорить, – «виртуально», т.е. без крыльев, «подняться» туда, где проплывали, подчиняясь строгому распорядку, «светящиеся существа» – Луна, Солнце и фигурные скопления огненных точек – звезд. Тот «Верхний мир» не мог не интересовать «проточеловека» загадочными отличиями от «Мира нижнего», земного, все более побуждая желание воссоздать целостный образ «действительности», понять истоки ее, установить обстоятельства зарождения того, что называют теперь природой, и выявить ход последующих изменений во всем том, что в мифологии и эзотерике характеризует т.н. «проявленный» (видимый, осязаемый) мир.

Постановка проблемы и программная цель исследования. Целостный образ мира – неизменно желанный предмет мифологического осмысления Природы создателей древних культур Евразии, Африки и Америки. Облик он, этот всеохватывающий образ, принимал, разумеется, символический, уподобляясь всевозможным объектам из сфер живого и неживого из все той же «окружающей действительности». Самой, однако, широко распространенной (от Ирландии до Китая) была универсальная, архетипическая, восходящая, видимо, к древнекаменному (ледниковому, «допотопному») веку идея видения мироздания в обличье поднимающейся из вод Первозданного океана колоссальных размеров Мировой горы. Она, как утверждали натурфилософы первобытности, достигала высоты орбиты Солнца. Это из-за склонов ее, Вселенской горы, оси Земли и небесного купола, появлялись, а затем скрывались, чтобы вновь оказаться на небосклоне, Луна, Солнце, планеты и звезды. Устойчивое (неподвижное) положение в том воображаемом мире сохраняла лишь Полярная звезда. Она некогда, во все те же мифические времена, будто бы находилась в зените небесного купола, сверкая прямо над вершиной Мировой горы.

Вселенская гора именовалась обитателями Северной Африки и Евразии по-разному. Так, египтяне называли ее Сар или Дэт, халдеи Переднего Востока – Гарсак-Баббара, идноарии Среднего Востока и Центральной Азии – Хаара Березайте, индусы – Су Меру, китайцы – Кунь-Лунь. Обобщая известное о Мировой горе, можно в предельно кратком изложении описать ее так: на скалистой вершине «порождения океана» фонтанировал источник живой воды. Четыре потока ее стекали по склонам, давая начало рекам и озерам земли и неба. Там же, на вершине, восседали сам создатель мироздания и прислуживающие ему боги высшего ранга – космического разряда управители Вселенной. Эта

же гора была местом пребывания и антипода «благих сил» – ограниченного в своих устремлениях погубить «действительность» *мирового змия*, воплощения зла и тьмы, растлителя и разрушителя всего доброго и светлого. У той горы с озером у подножия обитали первые представители рода людского, а также животного и растительного миров. В последующем, по завершению вселенского масштаба катастрофы (всесокрушающего потопа), они покинули *прародину, северные области земли*, и расселились по континентам, освоив благоприятные для скотоводства и земледелия пространства средних и южных широт.

Миф о Мировой горе оставался востребованным при объяснении всего наблюдаемого на протяжении многих тысячелетий. В особенности бережно сохраняли его представители жреческих кланов индоариев. Северный ареал земли, вплоть до недостижимых из-за вод, льда и завалов снега Приполярья (а возможно, даже до самого полюса) воспринимался ими стороной *прародины*, откуда предки начали свой исход в южные края. Они покинули подножия первозданной горы (в сущности, – северную макушку земного шара) из-за невозможности обитания в тех краях. В том видится теперь главная причина того, что где бы затем ни оказывались сообщества индоариев, всякий раз служители их богов, жрецы, превращали самую эффектную по живописности возвышенность местности освоения за земное воплощение той самой, вселенского ранга Мировой горы, с появления которой началось мироздание и где со временем появились великие боги, творцы всего наделенного жизнью. Эта гора и прилегающие к ней территории превращались в *сакральное место*. Оно обустроивалось в строгом согласии с религиозно-культурами канонами жречества.

Хакасия – уникальный по концентрации древних памятников регион Северной Азии. Он примечателен становлением в пределах границ его культур нескольких могущественных этносов, в том числе индоевропейского (индоарийского, индоиранского), в особенности ярко представленного скальными святилищами, грандиозными погребальными сооружениями вождей и обширными могильными полями. Поэтому-то, в свете изложенного выше, возникла идея *проверить на практике – как отра-*

жались (и отражались ли?) представления о возникновении Вселенной из первозданных океанических вод и видение мироздания в образе Мировой горы, достигающей высоты светил.

Мысль осуществить столь амбициозный историко-культурный проект изыскания с использованием новых, естественно-научного стиля методических установок едва ли могла появиться, не побуждая к тому неординарные результаты многолетнего изучения своеобразных, большей частью сакрального предназначения объектов культуры в территориально ограниченной местности северных районов Хакасии, которые прилегают к восточным предгорьям Кузнецкого Алатау на обширном пространстве заливных пойм обоих берегов реки Белый Июс и долин ее многочисленных притоков. Здесь, на границе высокогорной тайги со степью, располагается цепь живописных песчаных гор со скальными вершинами, названных жителями окрестных деревень Сундуками и пронумерованных ими от Первого до Шестого. С подножиями и склонами этих красноцветных возвышенностей, вертикально обрывистых с восточной стороны и пологих на западной, оказались связанными могильники и несколько высокой научной значимости памятников. Как выяснилось, такого же величия объекты рассредоточивались и в ближайших окрестностях Сундуков, четко очерчивая по периметру границы всей заболоченной котловины поселков Июс, Малое Кобежиково, Фыркал, Кобяково, Соле-ноозерное, Черноозерное и Подлиственки (рис. 1).

Природно-топографические особенности Сундуков в контексте возможности видения в них отражения событий мифа, повествующего о начале миротворения. Современная цивилизация с ее беспощадным обращением с природой до неузнаваемости изуродовала «окружающую действительность» древних обитателей июсской котловины с ее величественными Сундуками. А ведь совсем недавно, около середины прошлого века, до начала здесь непродуманных земельных экспериментов Минводхоза СССР то был почти непроходимый для пешего человека рай тысяч перелетных птиц и множества степных и горно-таежных животных. Они находили в топких болотах надежные убежища от хищников и охотников. Но даже самые

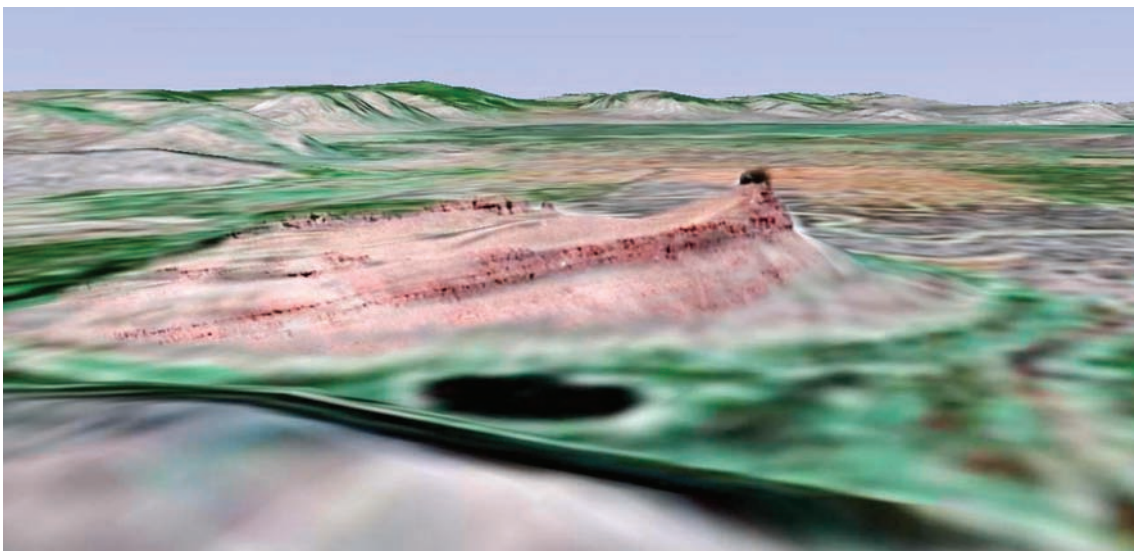

Рис. 1. Июсская котловина. Космический снимок

увлеченные археологи, способные преодолевать любые преграды, обходили стороной эти гиблые места до середины 70-х годов, когда к Сундукам прошли по насыпанным «землеустроителями» дамбам сотрудники Северо-Хакасской экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР (Новосибирск), положив тем самым начало третьевековому периоду исследования региона.

Два обстоятельства впечатлили здесь сразу же. Первое не имело сначала прямо касательства к памятникам старины (их, в случае удачи, еще предстояло найти), а было связано с поверхностным, чисто эмоциональным восприятием всей местности, прилегающей к Сундукам, какой она предстала при ознакомительного характера осмотре скальных вершин. Низинная, сильно заболоченная, прикрытая непролазными кустарниками и березовыми рощицами котловина, по которой некогда петляли малые речки, притоки Белого Июса, а из-под земли которой било множество ключей ледяной воды, простиралась на десятки километров к северу и на восток. Ее со всех сторон окружали горы, склоны которых четко очерчивали дальний горизонт, а *стержневую часть составляла цепь Сундуков* левобережья главной реки. Они протянулись вдоль нее, почти совмещаясь друг с другом, в направлении, близком азимуту север → юг. В целом Сундуки, а в особенности Первый, крайне северный, *выглядели подобиями природных пирамид*. С каменных вершин их далеко просматривались восточный и западный горизонты, а также точки, определяющие направления на астрономические север и юг (рис. 2).

Все это вместе взятое, а главное – Сундуки, высоко вознесенные над перенасыщенными водой низинами вытянуто-овальной котловины, не могли не взволновать любого, кто был хоть мало-мальски осведомлен о космогонической концепции индоевропейцев, объясняющей начало становления мироздания (о появлении из вод океана Мировой горы или, по другим вариантам мифа, *нескольких столь же сказочного статуса гор*). Если следовало, положим, отыскать на севере Хакасии местность, которая в наибольшей степени соответствовала бы признакам, присущим «земле обетованной», то более подходящего для реального олицетворения мифа о начале сотворения Вселенной с поднятия из «первозданных вод» невиданного размера Мировой горы (или нескольких такого же статуса гор) едва ли кому удастся найти. Июсская котловина представляет для того два основополагающих элемента – труднодоступные пространства болот, представляющих собой вязкую

смесь воды и бесформенной массы «текуче-зыбкой земли», засасывающей все живое глинистой тины, и как бы чудом вознесенные над «водами» Сундуки. Они стали господствовать над всей округой сотни миллионов лет назад и в свое время позволили предкам передвигаться в пределах границ средней зоны котловины вдоль подножий пешком или на лодках по речкам. Обилие живности в болотах и на скальных островах суши заслуживают того, чтобы по достоинству оценить это обстоятельство, дополнив бегло описанное еще одним существенным элементом соответствия особенностей местности мировоззренческого характера мифу о Мировой горе.

Для подтверждения всецело порожденной интуицией и воображением гипотезы не хватало третьего элемента – свидетельств внимания к Сундукам древнего человека, сочинителя мифа, и четвертого – выявления доказательств реальности восприятия им Сундуков в качестве земной ипостаси Мировой горы. Само по себе «внимание» удалось подтвердить сравнительно легко в ходе первых же лет разведывательно-поисковых работ на склонах и вершинах Сундуков, а также у подножий каждого из них (рис. 3). Как вскоре выяснилось, с ними были связаны погребальные комплексы. Четвертым же элементом стали астроархеологического характера объекты, которые превратились за десятилетия исследований в бесценные источники изучения интеллектуальной и духовной сторон жизни творцов культур эпохи палеометалла Северной Хакасии. Реконструкции их религиозных установок и протонаучных воззрений велись с использованием естественно-научных методов, антиподов гуманитарных «умственных парений», как водится, мало чем (кроме вольных «придумок») обоснованных и потому сомнительных.

В особенности много такого рода астропунктов было открыто за четверть века археологических исследований в пределах границ Первого Сундука, вследствие чего этот эффектный природно-культурный объект воспринимается ныне своего рода многокомпонентной «астрономической обсерваторией», уникальной для Сибири и соседних регионов Азии (рис. 4 и 5).

Цель настоящей публикации – общий обзор обнаруженных на территории Первого Сундука астрономических памятников, опубликованных пока лишь предварительно. Астропункты, о которых пойдет речь далее, есть своего рода элементы «мозаик», составляющих устроительные «узоры» разных эпох. Остается только догадываться, что скрывается в пробелах и куда (в какой

Рис. 2. Первый, Второй и Третий Сундуки – горная гряда, выдвинутая в степную часть долины р. Белый Июс. На переднем плане – Первый Сундук. Вид с северо-востока

Рис. 3. Местность «Сундуки» окрестностей поселка Июс. Вид на долину с северо-запада (со склона горы Солбон). На переднем плане – трапециевидная плита, астропункт наблюдения юго-восточной части горизонта

Рис. 4. Первый Сундук. Вид с юга. Верхние кромки горы представляют собой протяженные скальные обрывы, гребни. Они ограничивают обширные и глубокие пространства трех каньонов, в пределах которых располагаются астропункты и протохрамы

Рис. 5. Первый Сундук – подобие пирамиды. Вид с востока. Фото сделано при заходе Солнца в последнюю декаду июня

«орнамент») следует поместить отдельный структурный фрагмент, представляющий часть чего-либо целого. Можно было лишь догадываться, что в «узорах» отражались некие мировоззренческие представления древнего жречества о действиях, в коих исполнителями выступали Луна, Солнце, планеты и звезды. Догадки, однако, требовали доказательных подтверждений.

Методические установки астроархеологически ориентированных исследований общего плана оценки предпринятых поисков. Предположения археолога об астрономической значимости памятников, выявленных в пределах границ Первого Сундука, проверялись посредством соответствующих геодезических измерений и астрономических расчетов сотрудниками кафедры астрономии и геодезии Сибирской государственной геодезической академии (Новосибирск; подробности о методике исследований см. Ларичев, Гиенко, Шептунов, Серкин, Комиссаров, 2003. С. 401–408). Ориентировка объектов выполнялась по астрономическому азимуту с точностью 1 угловой минуты; географические координаты памятников определялись с помощью навигационного GPS-приемника с точностью 5–10 метров. Топографическая съемка памятников производилась как с теодолитом, так и с использованием лазерного сканера; относительное положение деталей памятников – устанавливалось с точностью 0,2 метра. Для астрономических расчетов использовались при работе в поле программы, составленные на калькуляторе, а также специализированные астрономические программы ЭВМ. На основании средств измерений и вычислений, а также исходя из специфики объектов можно заключить, что места восходов и заходов светил (Солнца, Луны, звезд) при заданных условиях (солнцестояния, равноденствия, высокая или низкая Луна), а также направления небесного меридиана *определялись с точностью 2–3 угловых минуты (0,1 от видимого диаметра Солнца или Луны)*. Астрономические расчеты для летнего солнцестояния (восходы и заходы дневного светила) неоднократно подтверждались натурными наблюдениями и фотографиями.

В результате проведенных изысканий были получены неоспоримые доказательства отслеживания людьми эпохи палеометалла (окуневская, карасукская и тагарская культуры) заходов и восходов Солнца в кардинальные моменты года – в дни солнцестояний, летнего и зимнего, и в равноденствия, весеннее и осеннее. Древние жрецы фиксировали также появление в северо-восточной части небосклона ярчайшей звезды Севера – Арктика (созвездие Волопаса, соседствующее с Большой Медведицей) накануне весеннего равноденствия; заходы полной зимней Луны в крайних точках ее циклических смещений относительно астрономических севера и юга (саросный цикл, длительность которого составляет 18,61 года). На большинстве памятников зафиксировано стремление установить точное прохождение линии истинного (астрономического) меридиана (направление, соединяющее точки севера и юга), что позволяло, в частности, определять наступление полудня днем, а в полночь – время прохождения над югом полной Луны, наиболее ярких звезд, отдельных, особо значимых для фиксации сезонных перемен созвездий, а также планет. В этом плане древние астрономы и геодезисты по

максимуму использовали естественные формы рельефа. Местоположения астрономических площадок, с которых велись наблюдения, закреплялись небольшого размера (для одного стоящего человека) каменными вымостками или специально установленными (уложенными) плитами; особо важные для календаря восходы или заходы светил наблюдались сквозь искусственно сделанные отверстия (дыры, щели) или отмечались специальными сооружениями из крупных плит, оформляющих своего рода «окна», в которых ожидалось появление первого луча или всего диска светила. Большинство памятников представляют собой мифологического разряда, архитектурно оформленные иллюстрации наблюдаемых явлений, что превращало их в своего рода календарно-астрономического назначения протохрамы. К ним относятся петроглифические композиции, искусственно подработанные ниши в каменных пластах, ниши и даже своеобразные «скульптуры». Порой в общую «мифологическую картину» подключался весь окрестный пейзаж.

Представим краткое описание наиболее впечатляющих астроархеологических памятников пирамидального вида горы. Местоположения их были определены с помощью навигационного спутникового приемника в единой системе координат с точностью взаимного расположения 1–5 м.

Первый каньон; астрокомплекс «Равноденственное окно». (рис. 6; подробности см Ларичев, Гиенко, Шептунов, Серкин, Комиссаров, 2004. С. 190–197). В него входят четыре наблюдательные площадки, размещенные на южной окраине второго гребня, и «окно», сооруженное из крупных тяжеловесных плит в зоне небольшого, незначительной глубины проема верхней части первого (южного) гребня. Как показали соответствующие геодезические съемки и астрономические расчеты, оно предназначалось для наблюдения восхода Солнца в дни равноденствий, весеннего и осеннего. Представим должные соображения.

Крайние площадки «обсерватории», № 7 и № 5 (рис. 7), четко ограничивали «период равноденствия», т.е. то время, в которое Солнце пересекает линию небесного экватора, сдвигаясь то ли на север, определяя *начало весеннего астрономического сезона*, то ли на юг, определяя *начало осеннего астрономического сезона*. Это как раз и подтверждают косвенно местоположения площадок: между наблюдениями прохождения Солнца через «окно» с двух крайних наблюдательных площадок № 5 и № 7 проходило примерно 10 суток.

Средняя наблюдательная площадка, № 6, размещена *не симметрично* относительно двух крайних; момент наблюдения прохождения Солнца через «Окно» с этой площадки (+1° 4,5') *соответствует не равноденствию, а средней дате между двумя солнцестояниями. Середина летнего и зимнего сезонов не совпадает с датами равноденствий примерно на двое суток из-за неравномерности движения Земли по орбите.* Специальные расчеты показали, что *определение соответствующих дат выполнялось древними жрецами Первого Сундука с точностью в 1 сутки.* Такая детальность проработки трудноуловимого календарного события не может не изумить любого историка астрономии. Ведь если определение дней солнцестояний летнего и зимнего состоит в фиксации крайних положений восходя-

Рис. 6. Первый каньон, огражденный первым (справа) и вторым (слева) гребнями. Наблюдательные площадки размещены на западной (нижней) окраине второго гребня, а «окно» – в средней части первого (южного)

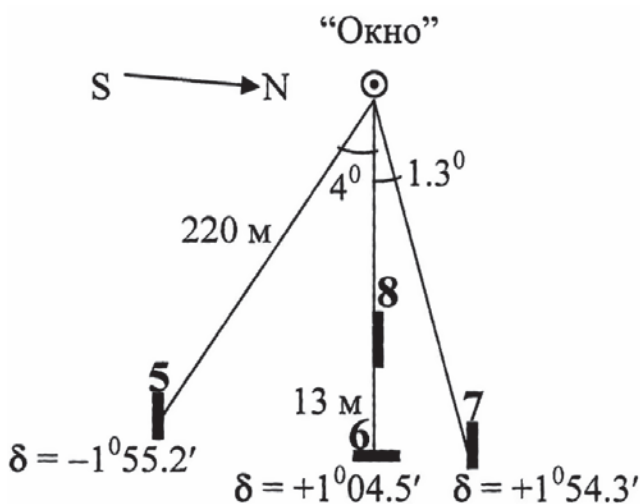

Рис. 7. Схема расположения наблюдательных площадок объекта «Равноденственное окно»

щего или заходящего Солнца относительно меридиана и не сложно на практике (*светило восходит и заходит в одной и то же точке горизонта несколько дней*), то *ключевые даты равноденствий определить чрезвычайно трудно*. В условиях реального рельефа вообще нет возможности получить некое среднее положение восхода или захода Солнца (из-за неравномерности вращения Земли середина сезона вовсе не является днем равноденствия). Склонение Солнца вблизи равноденствия *меняется стремительно*, тогда как во время солнцестояний, «солнцеворота» оно как бы *замирает на месте и не меняет заметно для глаза положение в течение недели*. Поэтому *определение дней равноденствий древними жрецами следует считать очень значительным, по-настоящему научного характера достижением*.

«Равноденственное окно» (наблюдательная часть «обсерватории», с которой связан участок ближнего горизонта, где появлялся первый луч восходя-

щего равноденственного Солнца) было сооружено напротив четырех площадок отслеживания восходов светила – на противоположной стороне первого каньона, в зоне средней части первого гребня (рис. 8 и 9). В месте неглубокого, по-видимому, искусственно сделанного проема древние астрономы разместили две крупные массивные плиты (рис. 10 и 11). На склоне гребня, правее местоположения «окна» лежат еще две крупные тяжеловесные плиты, которые, видимо, сместились сверху. О назначении их предстоит разобраться в будущем (с помощью их фиксировались, возможно, сутки, предшествующие весеннему равноденствию).

Как засвидетельствовали разведывательные поиски астроархеолога, древние астрономы, которые обустроивали «обсерваториями» первый каньон, были весьма озабочены точным установлением времени наступления равноденствий. *Они решали эту проблему посредством наблюдения ярчайшей звезды созвездия Волопаса – Арктур, именуемого астрономами «Северным Сириусом»*. Без сомнений, что эта звезда, как и Сириус в Египте, обладала для них великой календарной значимостью, но не в связи с летним солнцестоянием, как у народов Средиземноморья и Ближнего Востока, а с *весенним равноденствием*. Учитывая исключительную значимость факта наблюдения жрецами Первого Сундука одной из звезд (первого, точно установленного астроархеологами Сибири), уделим этому памятнику большего объема описание.

Первый каньон; астрокомплекс «Арктур» (подробности см. Ларичев, Гиенко, Шептунов, Серкин, Комиссаров, 2005. С. 8–13). При обследовании левого (северного) борта первого каньона, огибающего подножия второго гребня, поблизости от верхней скалистой кромки его было замечено «окно». Оно размещалось неподалеку, выше по склону от наблюдательных площадок астрокомплекса «Равноденственное окно», описанного выше. *Это «окно» наблюдает только с ограниченной по азимуту территории*.

Рис. 8. Первый каньон и определяющие его границы гребни – первый (справа) и второй (слева). На фото представлен участок первого гребня, соседствующий с «Равноденственным окном». Оно располагается восточнее наклонно установленных визирных плит

Рис. 9. Первый гребень и сооруженное около средней части его «Равноденственное окно»

Рис. 10. «Равноденственное окно». Вид с севера. Справа – коренной пласт верхней кромки гребня (затемненная часть снимка); к нему слева примыкает вертикально установленная плита, ограничивающая визуальное поле «окна»; левее размещается вторая наклонная плита, прислоненная к вершине первой. Плиты разделены узкой щелью, тоже, возможно, предназначенной для отслеживания восхода (сутки, предвещающие осеннее равноденствие?)

Рис. 11. «Равноденственное окно». Вид с юга

Рис. 12. Скальная вершина второго гребня, ограничивающего первый каньон с севера. Местоположение «окна», образованного коренными пластами песчаника и огромной плитой, намеренно смещенной вниз по склону

Рис. 13. «Окно» наблюдения звезды Арктур утром, в канун восхода Солнца в день весеннего равноденствия

Как удалось установить сразу же, после обнаружения, в «окне» не могли отслеживаться заходы ни Солнца, ни Луны. Поскольку угловые размеры «окна» были меньше диаметров того и другого светила, то Г.С. Шептунов высказал (еще до проведения вычислений и справок с пособиями) идею о том, что это скальное отверстие предназначалось, возможно, для наблюдения одной из особо ярких звезд северной части небосвода, быть может, – Веги. В очередной полевой сезон (2003 г.) идею Г.С. Шептунова проверила Е.Г. Гиенко. Результаты определения ею склонения суточной параллели, проходящей через «окно», совпали со значениями, полученными ранее – ни Солнце, ни Луна действительно не заходили в зоне его местоположения. Затем последовали вычисления предельных значений склонений суточных параллелей с учетом неточного знания положения древнего наблюдателя (шаг влево или вправо от центра предполагаемого места наблюдения, в положении сидя или стоя). На рис. 14 показаны предельные значения высот h и азимутов A направлений на «окно», а также суточные параллели, ограничивающие возможные значения склонений δ :

$$35^{\circ} 58.7' \leq \delta_{\text{расч.}} \leq 37^{\circ} 18.5'$$

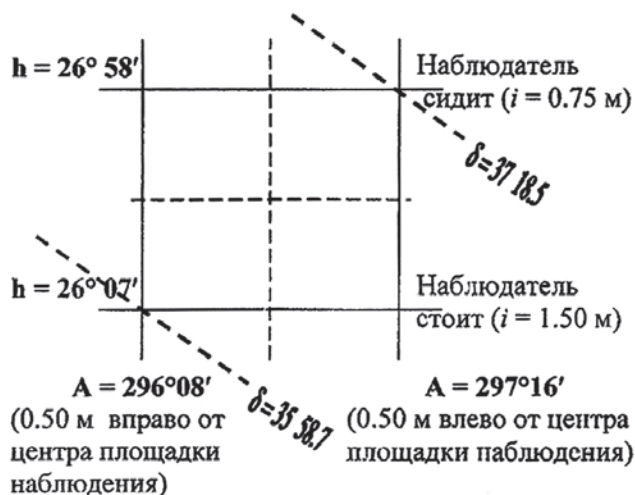

Рис. 14. Схема предельных значений горизонтальных координат и склонений в зависимости от положения наблюдателя

Далее последовал поиск подходящей для наблюдения в «окне» звезды и определение эпохи наблюдения. Задача решалась с использованием программы REDSHIFT 3.0 Марис Мультимедиа. Из возможных ярких звезд (Вега, Арктур, Капелла?) самым подходящим кандидатом оказался Арктур. Вега, несмотря на близость склонения к расчетному значению на эпоху 2000 г. до н.э. ($\approx 38^{\circ} 47'$), вообще никогда не может иметь указанные склонения. Хотя склонение Арктура на 2000 г. до н.э. далеко от расчетного (оно равно $19^{\circ} 11'$), но удачное сочетание влияния собственного движения и прецессии за большой промежуток времени делает эту звезду единственной подходящей из упомянутых ярких звезд.

Подводя итоги конспективно изложенной информации, можно констатировать следующее: в «окне» второго гребня теоретически мог наблюдаться Арктур в период с 1100 г. до н.э. по 900 г. до н.э.; такое наблюдение свершалось, надо полагать, по-

тому, что гелиактическое (первое после невидимости) прохождение Арктура через «окно» могло предварять весеннее равноденствие. Такая версия допустима по нескольким, достаточно весомым соображениям:

1) первое утреннее появление Арктура в «окне» происходит весной;

2) неподалеку от места отслеживания появления Арктура расположен еще один астрокомплекс – «Овал», от которого наблюдались точки захода Солнца во время равноденствий и летнего солнцестояния (описываются далее). Отметим при том обстоятельство весьма примечательное: *плита, которая при наблюдениях от «Овала» фиксировала место захода Солнца в равноденствия, – это как раз та самая плита, что образует «окно» для наблюдения первого весеннего появления на небосклоне Арктура* (см. рис. 15 и 16);

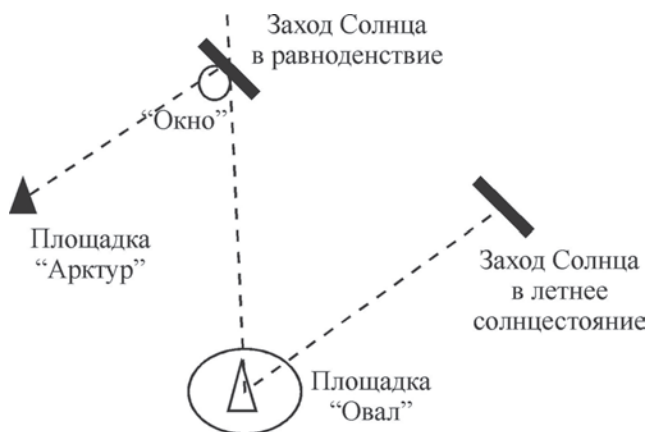

Рис. 15. Кроки расположения наблюдательных площадок и отметок захода Солнца

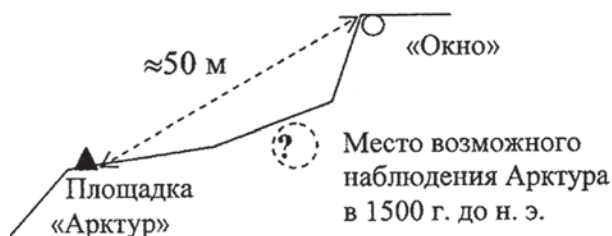

Рис. 16. Кроки профиля местности в районе наблюдения Арктура

3) отметки (указатели) мест наблюдения весеннего равноденствия на первом Сундуке и на других астрокомплексах округа свидетельствуют о глубоком почитании древними дня весеннего равноденствия;

4) идея использования гелиактических появлений на небосклоне ярких звезд как знамений (предвестников) особо значимых календарных и астрономических событий хорошо известны историкам астрономии Древнего Египта, Греции и Вавилона (в долине Нила восход Сириуса в дни летнего солнцестояния воспринимался жрецами божьим знаком, милостиво предвещающим разлив кормилицы-реки).

Использование программы REDSHIFT 3.0 позволило решить задачу первого появления Арктура в «окне» в качестве звездного знака, предваряющего весеннее равноденствие в эпоху II–I тыс. до н.э. Подбор должного варианта предполагаемого события

(первого прохождения Арктура через заданный азимут перед восходом Солнца в день весеннего равноденствия) привел к следующему результату:

в 1500 г. до н.э. весеннее равноденствие наблюдалось с 3 на 4 апреля; в этот день Солнце взошло в $6^h 01^m$ по условному времени и в этот же день Арктур пересек азимут «окна» за 15 минут до восхода Солнца – в $5^h 45^m$ условного времени. В этот момент координаты звезды были такими: $A = 296^\circ 45'$; $h = 30^\circ 32'$; $\delta = 39^\circ 42'$. Вычисленная высота Арктура вполне правдоподобна. Место возможного наблюдения его указано на рис. 16. Размещенная ниже т.н. «площадка Арктура», от которой «окно» звезды было замечено впервые, выполняла, надо полагать, роль своеобразного указателя направления на истинное место наблюдения Арктура.

Подводя итоги изложенному, заметим, что среди множества астроархеологических объектов Первого Сундука пункт наблюдения гелиактического явления Арктура в «окне» накануне восхода Солнца в день весеннего равноденствия обретает ключевое значение. Помимо самого по себе поразительного факта, подтверждающего зарождение звездной астрономии Сибири в эпоху бронзы (окуневская культура), отметим три обстоятельства:

1) этот астропункт позволяет уверенно датировать время особо интенсивного функционирования Первого Сундука в качестве грандиозного в масштабах центра астрономических наблюдений юга Сибири, не уступающего по значимости его современнику – Стоунхенджу Англии;

2) вывод о наблюдении Арктура жрецами окуневской культуры подтверждает и объясняет совершенство и точность их лунно-солнечных календарей (подробности см. Ларичев, 2002. С. 86–93; 2003. С. 112–122);

3) поскольку Арктур занимал до недавних пор особо важное место в астральной мифологии коренных народов Сибири (подробности см. Ларичев, 1992. С. 8–25), перспективной становится решение проблемы реконструкции звездной мифологии окуневцев.

Перейдем к презентации очередного объекта. Неподалеку от места наблюдения звезды Арктур, около полусотни метров выше по склону и в непосредственной близости от скальной вершины Первого Сундука расположен еще один грандиозный астроархеологический комплекс. Он предназначался для решения задач, связанных с заходами дневного светила в особо важные моменты года, которые определяли рубежи сезонов (подробности см. Ларичев, Гиенко, Шептунов, Серкин, Комиссаров, 2006. С. 406–411).

Первый каньон; «Овал» и «протохрам захода Солнца в дни летнего солнцестояния». Астрокомплекс составляют три структурные части:

1) обширная овальная площадка, оконтуренная преднамеренно уложенными плитами и глыбами песчаника («Овал»), и разрушенная грабителями вымостка из камней, вплотную примыкающая к центру восточной окраины того же «Овала» (рис. 17). Вероятнее всего, вымостка из камней служила наблюдательной площадкой;

2) протохрам – небольшого размера ниша, по всей видимости, преднамеренно вырубленная в средней зоне скального обрыва второго гребня; в его структуры входят крупная, массивная, округлых очертаний плита, уложенная наклонно над камерой грота и фиксирующая ее положение (препятствующая соскальзыванию вниз) вторая, полулунных очертаний плита (см. рис. 18). Грот и связанные с ним плиты находятся на высоте около 2,5 м от подножия гребня;

3) элементы скального гребня, наблюдаемые с площадки: в северо-западном направлении видна с узкого ребра массивная плита, подпертая кладкой из обломков песчаника (рис. 18; см. верхнюю кромку обрыва), а на западе – выступ края огромной плиты, наклонно лежащей на крутом склоне скального обрыва (рис. 19); *правый край этого остроугольного выступа отделен от коренного пласта гребня узкой щелью.* На рисунке 20 представлен детальный топографический план объекта, выполненный В.Н. Комиссаровым.

Произведенные расчеты, геодезические и астрономические, подтвердили астрономическую зна-

Рис. 17. Астрокомплекс «Овал». На переднем плане – выкладка из плит, образующая овальную в плане фигуру; на втором (дальнем плане) – второй гребень с протохрамом и наклонно установленной над ним плитой (под нее заходит Солнце в последнюю декаду июня)

Рис. 18. Протохрам и наклонная плита над ним с указаниями склонений в сутки летнего солнцестояния и в дни, предшествующие этому явлению

Рис. 19. Наклонная плита, правый край которой и щель определяют точку захода Солнца в дни равноденствий. Под этой плитой находится «окно» наблюдения Арктира в утренние часы дня весеннего равноденствия

чимось объектов, расположенных вблизи протохрама: в день летнего солнцестояния *последний луч заходящего Солнца исчезал под наклонной плитой, установленной на гребне выше протохрама* (см. рис. 18), а в дни равноденствий заход Солнца наблюдался в щели, образованной правой гранью наклонно лежащей плиты и левой стороной коренного выступа скалы (см. рис. 19). Здесь следует вновь обратить внимание на *особо важный факт – четкую связь между двумя астрономическими комплексами: плита, образующая щель, от другого места наблюдения как раз и образует «окно» для отслеживания Арктира утром за 15 минут до восхода Солнца в день весеннего равноденствия* (см. рис. 12, 13, 15).

К настоящему времени еще не все структурные элементы астрокомплекса объяснены. Остались, в частности, такие вопросы: отслеживались ли в этом месте заходы зимней Луны; какое назначение имели невидимые от «овала» плиты, установленные на южном склоне второго гребня, близкого к протохраму; какой астрономический смысл заключали в себе две наклонные плиты, вкопанные на гребне, но тоже невидимые снизу (см. рис. 21; третья из них, напротив, видима – *это под основание ее заходило Солнце в дни летнего солнцестояния*; см. рис. 18); было ли отмечено направление истинного меридиана, фиксирующего точки севера и юга?

В заключение обозначим еще две темы, которые иллюстрируются посредством структур протохрама и самой скалой второго гребня, с которой он связан. Первая из них – протонаучная. Речь идет о круглой плите, прикрывающей грот (см. рис. 18). Она, эта плита, размещается в том месте скалы, где оказывается заходящее Солнце в дни летнего солнцестояния, если мысленно, но в полном согласии с расчетами астрономов продлить маршрут его ухода за горизонт сверху, от плиты, установленной на краю гребня (именно под нее, напомним еще раз, заходит светило в те сутки). Это обстоятельство дает право *усмотреть в круглой плите, прикрывающей грот, скульптурное воплощение в камне диска Солнца*. Видимо, дневное светило представлялось древним жрецам *не шаровидным, а плоским, дискообразным*.

Вторая тема – астрально-мифологическая, реконструктивная, лишенная естественно-научного подтверждения и потому благодатная для опровергателей астроархеологии с ее методами изысканий. Она, эта тема, связана с возможностью образного восприятия того участка естественного скального гребня, с которым связан протохрам и установленная над ним наклонная плита, указатель места захода Солнца в дни летнего солнцестояния (рис. 18). Этот участок смотрится (без особых усилий воображения) *скульптурным воплощением головы дракона с округлым глазом-Солнцем (округлой плитой) и плитчатым рогом* (или тремя рогами, если принять во внимание еще две наклонные плиты, те самые, невидимые с наблюдательной площадки). Мифологическая интерпретация скульптурной головы дракона: глаз его (плита над гротом) есть июньское Солнце времени летнего солнцестояния, а рог над храмом, место захода его, призван наглядно иллюстрировать кульминационный эпизод ежегодного противоборства двух альтернативных божеств Мироздания, олицетворяющих свет и тьму, добро и зло, противо-

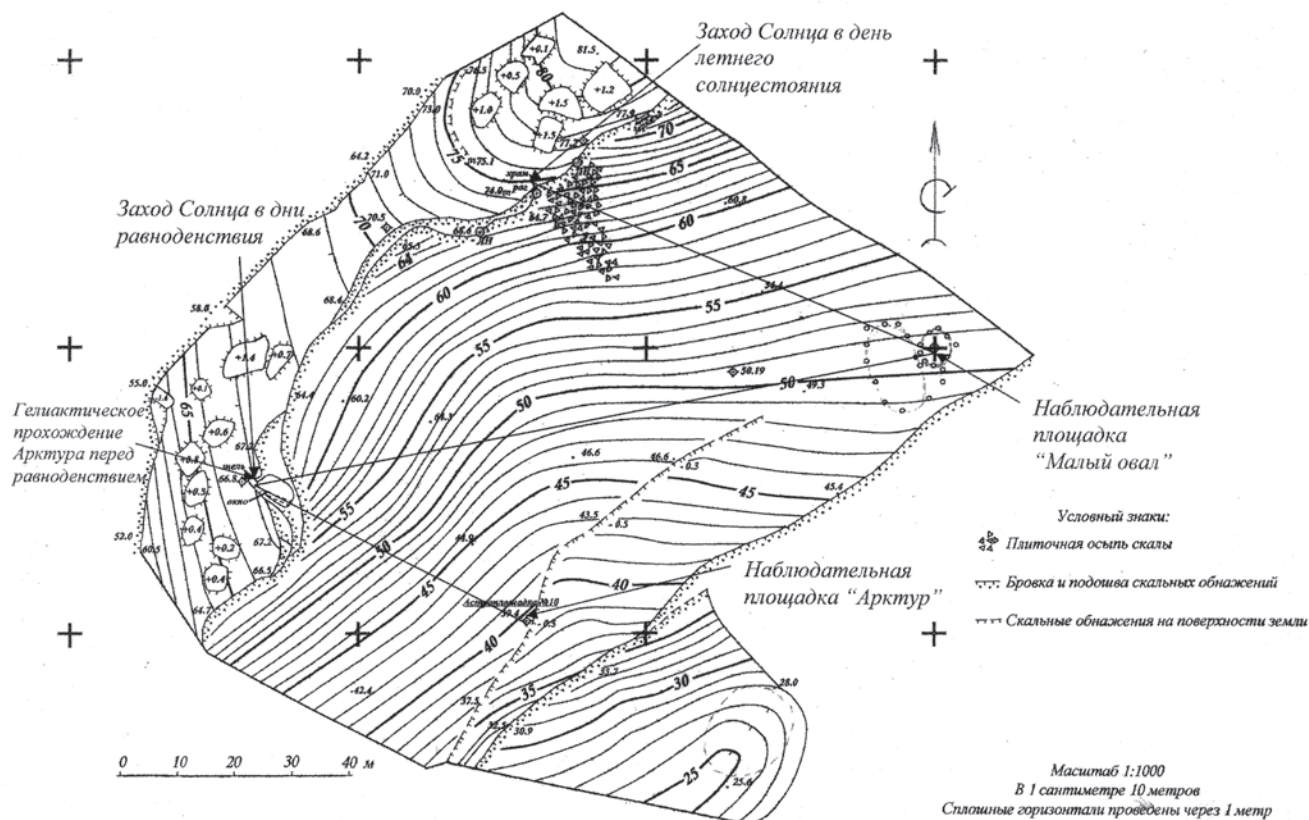

Рис. 20. Топографический план комплекса «Овал». Выполнен В.Н. Комиссаровым

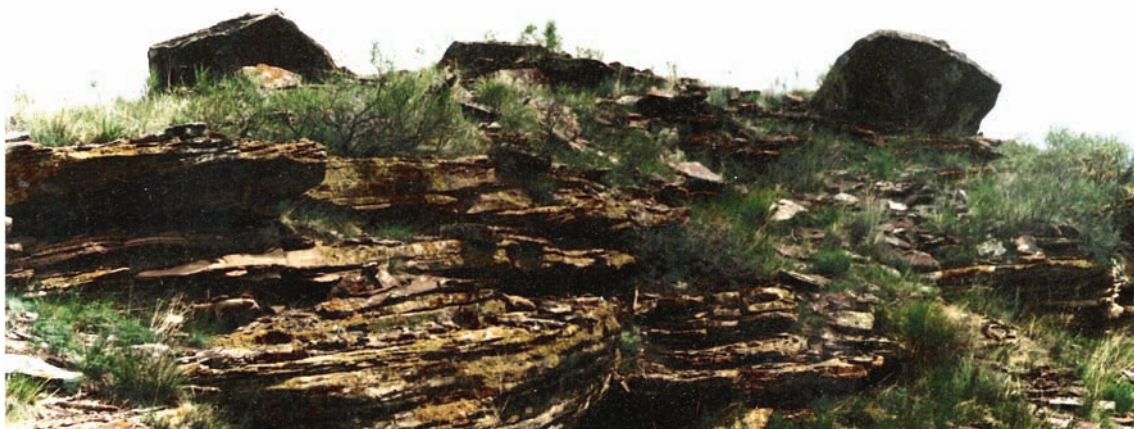

Рис. 21. Три наклонные плиты, установленные над протохрамом. Только правая из них наблюдается со дна каньона от «Овала» (см. рис. 18)

борства, соответственно, Солнца и Дракона, – светило в дни летнего солнцестояния, времени наибольшего своего могущества, *ударяло при заходе прямо под рог чудовища*, надо полагать, с намерением сразить его наповал, а затем ослепляло – выжигало глаз, достигая местоположения грота. Поскольку сходный сюжет убиения Дракона заходящим Солнцем начала астрономического лета столь же выразительно отражен структурами протохрама Пятого Сундука (подробности см. Ларичев, Гиенко, Шептунов, Серкин, Комиссаров, 2005. С. 81–104), то изложенное не может быть оценено иначе, как свидетельство достоверности астроархеологической направленности интерпретаций.

Восход Солнца в дни летнего солнцестояния от-

слеживался с наибольшей точностью с площадки астрокомплекса, связанного с проемом в нижней части второго гребня (место перехода из первого каньона во второй; площадка находится примерно на равном расстоянии от структур обсерваторий «Равноденственное окно» и «Овал»).

Проем в средней части второго гребня; протохрам восхода Солнца в дни летнего солнцестояния (подробности см. Ларичев, Гиенко, Прокопьева, 2007. С. 109–113). В структуры астрокомплекса и одновременно святилища входят восточный скальный обрыв с двумя отверстиями, размещенными одно над другим (рис. 22); скальная плоскость на противоположной, западной стороне проема с двумя желобами, ориентированными по касательной в

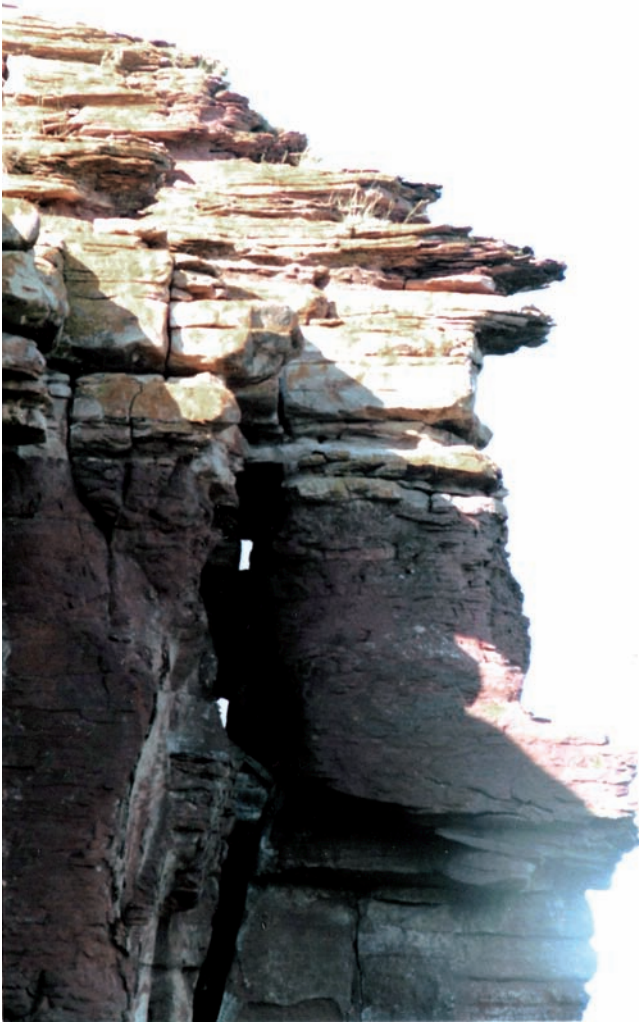

Рис. 22. Восточный скальный обрыв проема с двумя «окнами» наблюдений восхода Солнца

сторону отверстий (своего рода простейший квадрант; см. рис. 23), и узкий песчаниковый блок с ровной столообразной поверхностью, совмещенный со средней частью западной стены проема (место для жертвоприношений?). На той же стене чуть южнее размещается многофигурная композиция из выбитых рисунков (рис. 24).

Специальные исследования со сложными процедурами геодезических измерений и вычислений (лазерное сканирование элементов астрокомплекса; построение цифровой векторной модели элементов; увязывание воедино желобов и отверстий (см. рис. 25), позволили астрономам вычислить значение склонения суточной параллели, соответствующей закреплённому желобами и отверстиями направлению. Оно оказалось равным $24^{\circ} 00'5''$, что близко склонению в дни летнего солнцестояния. Все это позволило сделать вывод о том, что в проеме второго гребня осуществлялось отслеживание восходов дневного светила в дни летнего солнцестояния и следующих за ними суток солнцеворота, определяющих вместе *начало месяцев астрономического лета*. Естественно предположить, что эти знаменательные явления сопровождалось соответствующим культово-ритуальными действиями.

Если сведения об астрокомплексах первого каньона и двух ограничивающих его гребней дополнить известием о размещении у западной кромки второ-

го гребня астрокомплекса наблюдения восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния (готовится к публикации), то станет очевидным вывод о том, что в этой зоне Первого Сундука жрецы наблюдали восходы и заходы дневного светила во все главные моменты года – в оба солнцестояния и оба равноденствия.

Два астрокомплекса изучались на протяжении нескольких лет в среднем каньоне Первого Сундука. Он примечателен весьма значительной глубиной и крутыми скальными стенами по обеим сторонам. Невдалеке от устья каньон пересекает вал, сложенный из плит.

Второй каньон; астрокомплекс и протохрам «Солнце в Овне» (подробности см. Ларичев, Гиенко, 2005. С. 382–389). Протохрам располагается по левому борту второго каньона невядалеке от устья его и поблизости от вала из плит, отгораживающего сакральное пространство Первого Сундука со всеми его культовыми памятниками от заболоченной долины реки Черной (рис. 26). Главная структурная часть астрокомплекса – колонна-останец, условно названная «грибком» (рис. 27). Этот останец с ровной площадкой наверху, где можно удобно стоять, прилегает к центральному участку скалы с разного вида выбитыми фигурами, в том числе с астрально-знаковой композицией, представляющей картину вхождения Солнца (круг с точки в центре) в созвездие Овна (два полукружия рогов, совмещенные с правым краем круга) и серпом молодой Луны, размещенной выше «Солнца в Овне», символа наступления весны (рис. 28).

Такую интерпретацию композиции подтвердили оценки съемки рельефа «Проема» во втором гребне, произведенные с помощью теодолита, установленного на вершине «грибка». Как показали соответствующие астрономические расчеты, восход равноденственного Солнца мог наблюдаться с «грибка» в правом нижнем углу «Проема» в течение около десяти веков – от середины II тыс. до н. э. до середины I тыс. до н.э. (рис. 29). По этому случаю около протохрама свершались, надо полагать, культово-ритуальные действия, посвященные наступлению весеннего астрономического сезона и возрождению природы по окончании зимы. Ту же тему возрождения, победы жизни над смертью и почитания предков, отошедших в «мир иной», были призваны, видимо, отразить композиции из выбитых рисунков на скальной поверхности правой стены «Проема», где наблюдался восход равноденственного Солнца. Соответствующие обряды производились, надо полагать, и тогда, когда Солнце всходило там же в день осеннего равноденствия, определяющего окончание летнего астрономического сезона и начало увядания природы (уход дневного светила в южную сферу мироздания; время осеннего и зимнего астрономических сезонов).

В месте начала второго каньона (зона истока его) производились наблюдения восхода Солнца в дни летнего солнцестояния над верхней кромкой выложенной из плит стены. Оттуда же отслеживались восходы ночного светила на юге, о чем и пойдет речь далее.

Второй каньон; астрокомплекс «Летняя Луна на небесном меридиане» (подробности см. Ларичев, Гиенко, Шептунов, Серкин, Комиссаров, 2004. С. 335–343). Центральную позицию в астрокомплексе занимает глубоко вкопанная в землю наклонная стела, от которой ориентировались направления на север и юг (рис. 30). Измерения, проведенные от

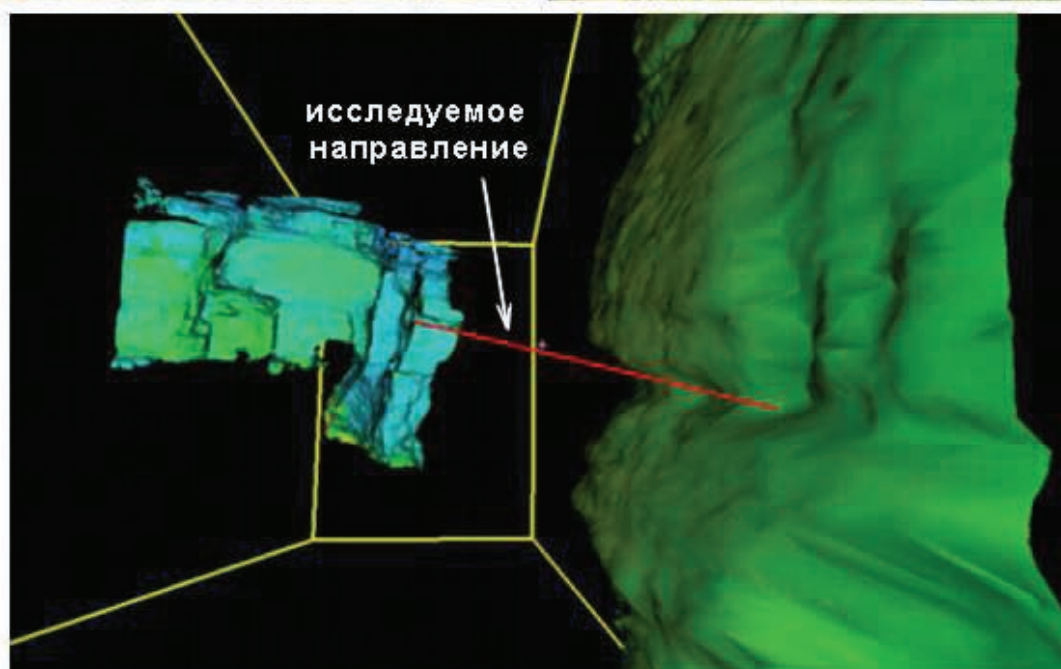
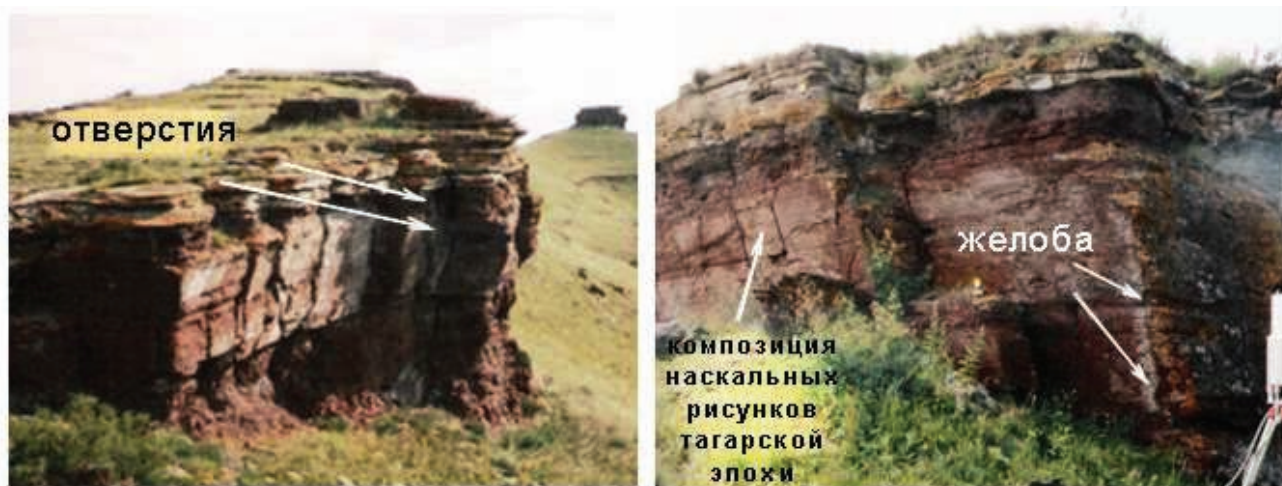

Рис. 23. Структуры астрокомплекса, размещенные в проеме. Астрономически значимые направления, закрепленные «бороздами» и отверстиями

Рис. 24. Фрагмент композиции, размещенной на поверхности западного скального обрыва проема

Рис. 25. Проем во втором гребне. Новые технологии астрономо-геодезических съемок

Рис. 26. Второй каньон. Местоположение протохрама «Солнце в Овне» и стены, от которой наблюдалась низкая летняя Луна

Рис. 27. Протохрам «Солнце в Овне» (левая часть фото), «грибок», прислоненный к скальному обрыву протохрама, и проем во втором гребне (правая часть фото).

Рис. 28. Наскальные изображения в районе «грибка». Слева внизу – символ «Солнце в Овне» и серп молодой Луны

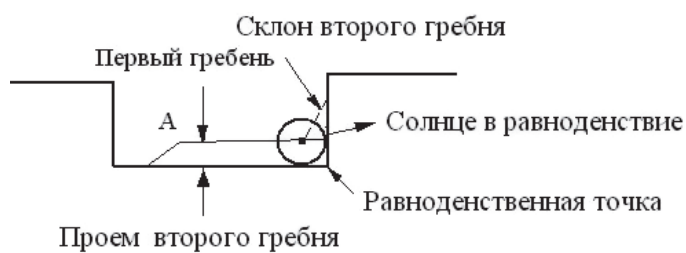

Рис. 29. Проем во втором гребне. Местоположение диска восходящего в день весеннего равноденствия Солнца

Рис. 30. Стела Второго каньона, установленная на линии небесного меридиана

Рис. 31. Проем, в котором от стелы, со дна каньона (в том месте установлен теодолит), наблюдался восход и заход низкой летней Луны (светило в тот момент находилось на линии небесного меридиана)

места расположения стелы, четко засвидетельствовали, что эти направления отмечались посредством приметных деталей рельефа северной и южной стен каньона. С помощью стелы, установленной на линии небесного меридиана, жрецы определяли время наступления полудня (в начале лета (в последнюю декаду июня) плита в полдень и сейчас не отбрасывает тени), а также рубежи перехода от одного астрономического сезона к другому.

Наибольший интерес из множества сезонного плана явлений, которые наблюдались от стелы на северо-востоке, вызывает возможность отслеживания восхода низкой летней Луны на юге – в зоне, видимо, искусственно прорубленного скального проема, который располагается около верхнего края южной стены каньона (рис. 31). В этом своеобразном «Окне», через центральную зону которого проходит линия небесного меридиана, появлялась (всходила) полная летняя Луна в период, когда она обретала статус «низкой» (т.е. самого ближнего, из возможных, смещений к точке астрономического Юга). Ночное светило *появлялось на короткое время*, касаясь нижним краем скальной поверхности в месте прохождения меридиана, и *тут же начинало заходить*. Это событие, которое наблюдалось лишь однажды, в конце периода длительностью 18,61 года (т.н. малый лунный сарос, определяю-

щий цикл перехода Луны от самого дальнего относительно юга восхода к самому ближнему к нему же), четко и весьма наглядно сигнализировало древнему астроному о завершении одного многолетнего периода смещений точек восхода ночного светила относительно Юга и начале очередного периода смещений, но уже направленных в противоположную сторону. Знание такой закономерности, зафиксированное структурами астрокомплекса у истока второго каньона, позволяет утверждать, что жречество Первого Сундука умело предсказывать (предвычислять?) время наступления лунных затмений.

Что так оно действительно могло быть, подтверждает астрокомплекс, обнаруженный в пределах третьего (северного) каньона. Он предназначался для наблюдения Луны иной временной фазии.

Третий каньон; астрокомплекс восхода и захода высокой зимней Луны (подробности Ларичев, Гиенко, Прокопьева. В печати). В структурные объекты комплекса входят наблюдательные площадки, объекты наблюдений (отмеченные плитами («визирными камнями») характерные точки горизонта), а также «окно», пробитое в четвертом гребне, ограничивающем каньон с северной стороны (см. рис 32, 33, 34). Относительное расположение визирных камней и наблюдательных площадок позволило астроархеологу сформулировать идею, суть которой сводилась к тому, что все эти структуры предназначались для отслеживания, соответственно, восхода и захода полной высокой Луны зимой в тот год, *когда ночное светило сближалось с астрономическим севером в наибольшей степени*. По результатам вычислений удалось смоделировать движение высокой полной Луны (восход и заход), наблюдаемое с площадок, и определить основное назначение «обсерватории» третьего каньона – *для фиксации достижения Луной ближайших к северу точек восходов и заходов зимой в сутки полнолуния*.

Помимо того, в третьем каньоне было обнаружено закрепленное визирными плитами направление истинного меридиана, которое фиксировалось с точностью несколько угловых минут (рис. 35).

Краткие итоги исследования. На основании всего конспективно изложенного можно констатировать, что Первый Сундук представлял собой в древности грандиозный комплекс отслеживания небесных явлений в течение всего года и мифологически оценивался в качестве Мировой горы. Здесь жрецы «вынуждали» Солнце, Луну и звезды обращаться вокруг священной горы, о чем как раз и повествуется в космогонического харак-

Рис. 32. Третий каньон. На переднем плане (в кустарнике) – вкопанная плита, от которой наблюдались восходы высокой зимней Луны. На дальнем плане – седловина каньона, в правой половине которой всходила полная Луна (в том месте располагаются визирные камни). Скальный останец слева – четвертый гребень. Через «окно», пробитое в нем, отслеживались заходы высокой зимней Луны

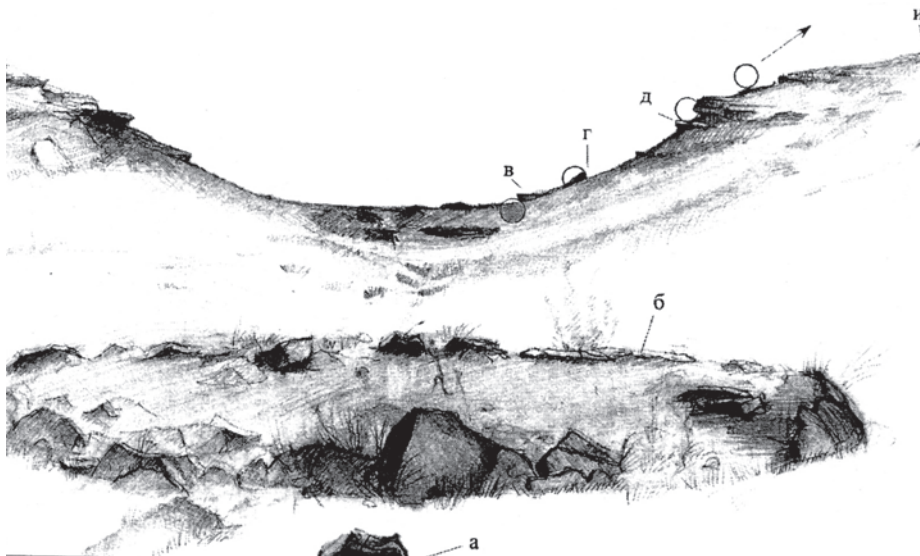

Рис. 33. Третий каньон; а – вкопанная плита; б – круг из плит (место ритуальных действий?); в-д – визирные плиты и *всходящая* высокая зимняя Луна

Рис. 34. Четвертый гребень с «окном» наблюдения захода высокой зимней Луны

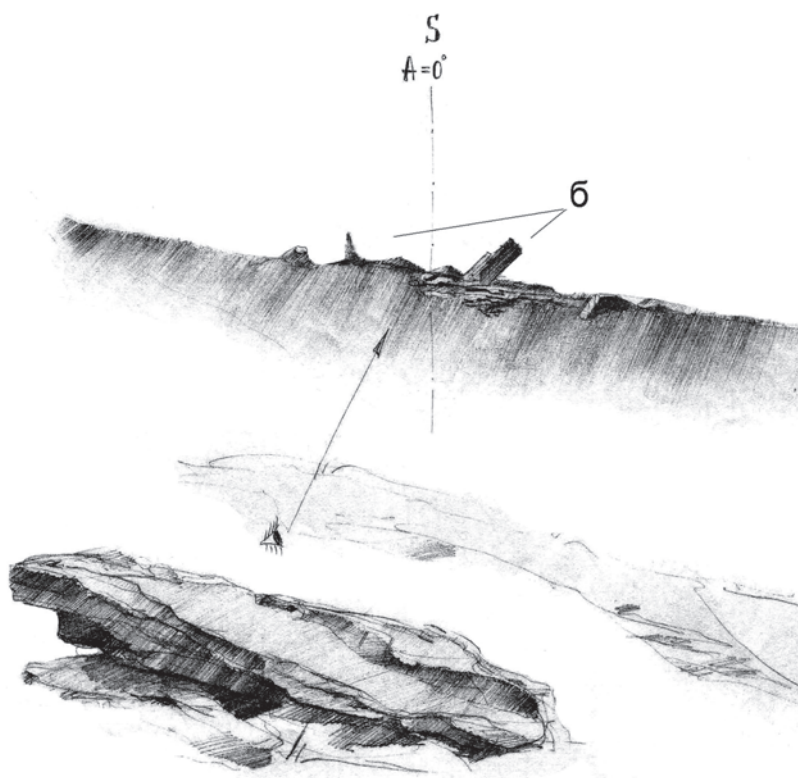

Рис. 35. Третий каньон. Плита на седловине, отмечающая место появления на горизонте всего диска высокой зимней Луны при наблюдениях от устья каньона. Через эту же плиту и структуры на горизонте проходит линия небесного меридиана

тера мифе индоариев. Для того стоило лишь отслеживать восходы и заходы светила, последовательно и в определенном порядке переходя от одного астропункта наблюдения к другому. Такой допуск подтверждает возможность восприятия Первого Сундука земной ипостасью космической Мировой горой.

О том же свидетельствует и второй фундаментальный признак Мировой горы, четко отраженный в специфической особенности Первого Сундука, – достижения высоты неба (подробности см. Ларичев, Гиенко, Паршиков, Прокопьева, 2008. С. 184–189). Чтобы убедиться в том, следовало взглянуть на гору с астрономической площадки, расположенной в 3 км от нее на седловине горы Солбон (рис. 36). При таком позиционировании наблюдателя вершина Первого Сундука превращалась в место восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния, что и следует воспринимать наглядным воплощением идеи древних натурфилософов Евразии о достижении первоизданной Мировой горой высоты неба. Первый Сундук обладает также иными признаками Мировой горы: у южного подножия его располагается озеро, возможно, искусственного происхождения; каньоны можно принять за русла трех рек, которые берут начало от скальной вершины кубовидной формы, где, согласно мифу, бил фонтан живой воды и восседали великие боги.

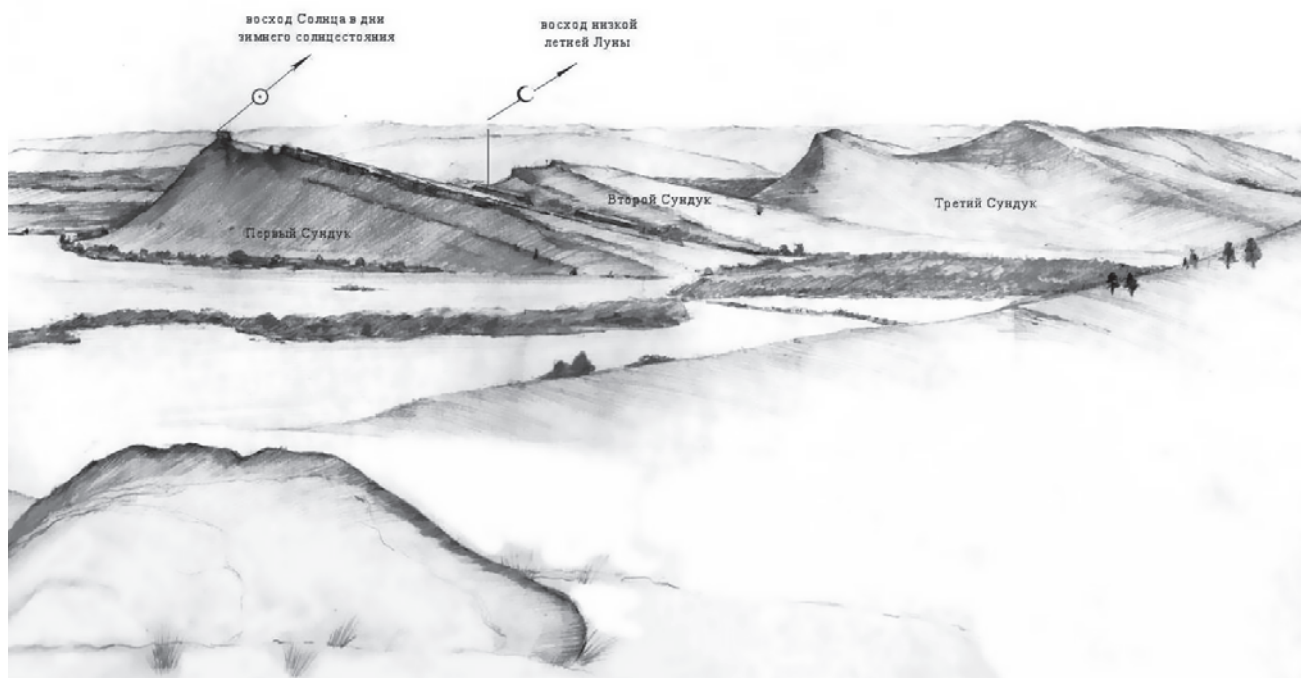

Рис. 36. Панорама Сундуков при наблюдениях от плиты, установленной на склоне горы Солбон (см. также рис. 3). С этого места верхняя кромка вершины Первого Сундука, равная по высоте дальнему горизонту, определяет точку восхода Солнца в дни зимнего солнцестояния (знак, удостоверяющий достижение вершиной горы высоты неба)

ЛИТЕРАТУРА

- Ларичев В.Е. Святилище созвездия Малая Медведица (астрономические аспекты наскальных изображений и астральные корни мифологии народов Сибири) // Северная Азия и соседние территории в средние века. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение. 1992. С. 8–25.
- Ларичев В.Е. Лунные и лунно-солнечные календари эпохи ашеля и мустье (к проблеме истоков палеоастрономии) // Археология Северо-Восточной Азии. Астроархеология. Палеометрология. Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН. 1999. С. 186–200.
- Ларичев В.Е. Magna Mater и Время (к проблеме астрального характера богов окуневской культуры) // Северная Азия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура. Сб. научн. тр. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та. 2002. С. 86–93.
- Ларичев В.Е. Всесокрушающее время (семантика образа фантастического зверя и зурвано-зороастрийский аспект религии окуневской культуры) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Сб. научн. тр. Кн. I. Барнаул: изд-во Алтайск. ун-та, 2003. С. 112–122.
- Ларичев В.Е. Запись синодического оборота Луны на костяной пластине из Штейнрина (знаки в культуре нижнего палеолита и их семантика) // Современные проблемы археологии России. Том I. Материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 124–127.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Солнцеголовый орел – змееборец и податель блага (к методике раскрытия семантики образов и реконструкции астральной мифологии жречества окуневской культуры) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2003 г., посвященной 95-летию со дня рождения А.П. Окладникова. Т.IX, часть I. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. С.401–408.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Храм борьбы Света и Тьмы, Добра и Зла, Времени и Безвременья (календарно-астрономический и религиозно-мифологический аспекты сакрального памятника эпохи окунево) // Россия – Евразийская общность: Культура и цивилизация. Материалы научного симпозиума 27 января 2005 г. Новосибирск: Изд-во НФ РГТЭУ, 2005. С. 81–104.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Равноденственное «окно» астрономической обсерватории окуневской эпохи юга Западной Сибири (астрокомплекс отслеживания восхода Солнца в дни весеннего и осеннего равноденствий) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии: Сборник научных трудов. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 190–197.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Луна на небесном меридиане (к проблеме отслеживания сезонов, многолетних лунно-солнечных циклов, предсказания затмений и представлений о мироздании в культурах палеометалла Северной Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2004 г. Т. X, часть I. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С.335–343.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Арктур – объект наблюдения жречества эпохи палеометалла Сибири (к проблеме истоков звездной астрономии в древних культурах Северной Азии) // Вестник Сибирской государственной геодезической академии. Вып. 10. Новосибирск, 2005. С. 8–13.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г. Наскальные рисунки тагарской эпохи в контексте структур равноденственного протохрама Первого Сундука (астрономические, временные и мифологические аспекты образов и знаков раннего железного века Северной Хакасии) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2005 г. Т. XI, часть I. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 382–389.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Шептунов Г.С., Серкин Г.Ф., Комиссаров В.Н. Первый Сундук: Протохрам захода Солнца в дни летнего солнцестояния (к проблеме выявления календарно-астрономических знаний и сюжетов астральной мифологии жречества окуневской культуры) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2006 г.). Т. XII. Ч. I. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. С. 406–411.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А. Первый Сундук: протохрам наблюдения и почитания летнего Солнца (к проблеме календарно-астрономических знаний и мировоззренческих установок жречества эпохи палеометалла юга Западной Сибири) // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Сб. научн. трудов. Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2007. С.109–113.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокопьева С.А. Первый Сундук – Мировая гора, достигающая высоты Солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакральных памятников) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2008 г. Т. XIV. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. С. 184–189.
- Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Прокопьева С.А. Лунная обсерватория Первого Сундука: третий каньон (методы наблюдений восхода и захода высокой зимней Луны и проблема многолетнего счисления лунно-солнечного времени в эпоху палеометалла Северной Хакасии) (в печати).
- Mania D., U. Mania. Deliberate engravings on bone artifact of *Homo erectus* // Rock Art Research, 1988, № 5. Pp. 91–107.